

БЕЛАРУСЬ

МОЛДОВА

АЗЕРБАЙДЖАН

КЫРГЫЗСТАН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН:

ЭКСПЕРТНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Под общей редакцией Каспэ С.И.

Москва
Издательство:
Фирма «Адапт» (ЦИРКОН™)
2017

ББК 60.524

УДК 316.74

П50

Авторский коллектив: Каспэ С.И. (ответственный редактор), Булгару Д.И., Добромелов Г.В., Задорин И.В., Карпов И.В., Катушева К.А., Ковалев Г.С., Куров Г.И., Лебедев А.А.

Руководитель проекта: Миськова Е.В.

ISBN - 978-5-86942-001-5

Аннотация:

Итоговый аналитический отчет подготовлен по результатам социологического исследования политической культуры четырех государств постсоветского пространства: Азербайджана, Беларуси, Кыргызстана и Молдовы. Спустя четверть века после установления государственной независимости, выявлены их сходства и отличия, намечены истоки различий, определено соотношение ценностей и институтов политической культуры. Общих черт между объектами исследования оказалось меньше, а различий – больше, чем предполагалось изначально, а выявленные тенденции позволили сделать некоторые прогнозы и рекомендации по отношению к курсу российской внешней политики.

ISBN - 978-5-86942-001-5

© ООО «Фирма «АДАПТ»» (ЦИРКОН™), 2017

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН:

ЭКСПЕРТНАЯ РЕФЛЕКСИЯ.
ИТОГОВЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЁТ
О РЕЗУЛЬТАТАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ.
2015-2016

УЧАСТНИКИ ПРОЕКТА И АВТОРЫ ДОКЛАДА

Проект выполнен Благотворительным фондом «Евразийский диалог» в партнерстве с НП «Международное исследовательское агентство «Евразийский монитор» в рамках Договора, заключенного между Благотворительным фондом «Евразийский диалог» и Общероссийским общественным фондом «Национальный благотворительный фонд» №21/42-1 от 4 августа 2016 г. о предоставлении гранта для целевого использования с целью реализации социально значимого проекта.

В реализации проекта, разработке программы и методики исследования, а также в подготовке доклада принимали участие И.В.Задорин, Е.В.Миськова, Д.И.Булгару, Г.В.Добромелов, И.В.Карпов, С.И.Каспэ, К.А.Катушева, Г.С.Ковалев, В.К.Коробов, Г.И.Куров, А.А.Лебедев, Л.В.Шубина.

Партнеры в проведении полевых работ (сборе первичных данных):

- Центр социологических и политических исследований БГУ (Беларусь)
- Исследовательская компания NOVAK (Беларусь)
- SIAR research&consulting (Кыргызстан)
- EL-PIKIR Centre of Public Opinion Study and Forecasting (Кыргызстан)
- Centre for Sociological Investigations and Marketing “CBS-AXA” (Молдова)
- The Institute for Polling and Marketing (Грузия, филиал в Азербайджане)
- Менеджмент полевого этапа - Е.В.Халкина (Исследовательская группа ЦИРКОН)

СОДЕРЖАНИЕ

6	ВВЕДЕНИЕ
6	ПОЧЕМУ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА?
7	ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ
12	МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
	Теоретические подходы к изучению политической культуры
	Модель предмета исследования
	Исследовательские процедуры
17	АЗЕРБАЙДЖАН: «ВСЕ ВИЖУ, ВСЕ СЛЫШУ, НИЧЕГО НЕ ГОВОРЮ»
17	ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
21	ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
24	ТИПИЧНЫЕ, ОДОБРЯЕМЫЕ И ОСУЖДАЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
28	ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ И НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ
31	ФОКУС-ГРУППЫ: КОНТРОЛЬ АДЕКВАТНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК
37	БЕЛАРУСЬ: «АБЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ»
37	ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
39	ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
43	ТИПИЧНЫЕ, ОДОБРЯЕМЫЕ И ОСУЖДАЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
48	ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ И НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ
51	ФОКУС-ГРУППЫ: КОНТРОЛЬ АДЕКВАТНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК
57	КЫРГЫЗСТАН: «СОЙДЁТ...»
57	ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
60	ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
63	ТИПИЧНЫЕ, ОДОБРЯЕМЫЕ И ОСУЖДАЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
67	ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ И НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ
70	ФОКУС-ГРУППЫ: КОНТРОЛЬ АДЕКВАТНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

77	МОЛDOVA: «БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ»
77	ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
81	ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
85	ТИПИЧНЫЕ, ОДОБРЯЕМЫЕ И ОСУЖДАЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
88	ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ И НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ
90	ФОКУС-ГРУППЫ: КОНТРОЛЬ АДЕКВАТНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК
95	РЕЗЮМЕ: ЧЕТЫРЕ СТРАНЫ, ЧЕТЫРЕ ТРАНЗИТА.
95	ЧЕРТЫ СХОДСТВА
96	СПЕКТР РАЗЛИЧИЙ
99	ИСТОЧНИКИ НАПРЯЖЕНИЙ
102	ПРИЛОЖЕНИЕ 1: ДЕРЕВЬЯ СМЫСЛОВ
103	АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА К «ДЕРЕВУ СМЫСЛОВ»: РЕСПУБЛИКА АЗЕРБАЙДЖАН.
106	АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА К «ДЕРЕВУ СМЫСЛОВ»: РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ.
108	АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА К «ДЕРЕВУ СМЫСЛОВ»: РЕСПУБЛИКА КЫРГЫЗСТАН.
110	АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА К «ДЕРЕВУ СМЫСЛОВ»: РЕСПУБЛИКА МОЛDOVA.
112	ПРИЛОЖЕНИЕ 2: СХЕМА ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»

ПОЧЕМУ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА?

«Попытки прибить кисель к стене гвоздями». Так Макс Каазе – один из виднейших европейских исследователей политической культуры – однажды охарактеризовал трудности работы с этим понятием. Конечно, тут было много иронии и самоиронии. И одновременно – много правды. Понятие политической культуры действительно расплывчато и почти безбрежно, его крайне трудно определить сколько-нибудь точным, тем более исчерпывающим образом. В хрестоматийной формуле Габриэля Алмонда, стоявшего у истоков современных исследований политической культуры (*«субъективное измерение общественных основ политической системы, то есть совокупность всех политически релевантных мнений, позиций и ценностей субъектов конкретного социального и политического организма»*) самое опасное слово – *«всех»*. Потому что невозможно предсказать заранее, что, в тех или иных условиях места и времени, способно оказаться политически релевантным. Да что угодно.

Судя по всему, сам Алмонд прекрасно отдавал себе отчет в том, что его теоретические построения (и их практические применения) тут наиболее уязвимы. Не было это обстоятельство секретом ни для его единомышленников, ни тем более для его оппонентов. Однако исследования политических культур продолжают и умножаются, несмотря на нерешенность вопроса о правомерности самого понятия и постоянную его критику. Почему?

Потому, что сама по себе зависимость политического действия, а также возникающих или разрушающихся в результате такого действия политических институтов и целых систем, от культурных факторов несомненна. Она очевидна для здравого смысла: если люди и образованные ими сообщества, оказавшись в формально сходных условиях, ведут себя различным образом, то резонно предположить, что дело именно в свойствах этих людей и сообществ, в их ценностях, мотивах, предпочтениях, установках и т.д. То есть в культуре. Возможно, соавтор Алмонда Сидней Верба несколько преувеличил, утверждая, что *«политическая культура выполняет функцию непосредственного контроля за*

системой политических взаимодействий» – скорее все-таки опосредованного. Возможно, еще один корифей этого направления, Люсиен Пай, тоже был слишком категоричен, определив политическую культуру как *«совокупность ориентаций, мнений и убеждений, которые придают логику и смысл политическому процессу, обеспечивают основополагающие представления и нормы, управляющие поведением человека в политической сфере»*. Но что-то очень важное они уловили и зафиксировали. Безусловно, нельзя считать понятие политической культуры универсальной отмычкой, подходящей ко всем замкам, позволяющей понять решительно все политические процессы и события. Такого рода рассуждения обычно не столько объясняют реальность, сколько маскируют отказ от ее объяснения. Значение имеет не только культура, но именно культура особенно важна.

А вот то, как именно определять политическую культуру, особенного значения не имеет. Одни пытаются сделать это понятие более объективистским, представить его характеристикой политической системы в целом. Другие акцентируют внимание на субъективной стороне дела, описывая политическую культуру как сумму индивидуальных предрасположенностей. Обе стороны по-своему правы – но важнее всего само внимание к культурным предпосылкам политического действия. Чем шире невод, забрасываемый в толщу социальной реальности, тем выше шансы, что в него попадет нечто полезное – то есть политически релевантное. В конце концов, лишнее всегда можно будет отбросить. Именно из этой предпосылки исходили авторы представляемого эмпирического исследования.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Постсоветское пространство и четверть века спустя после распада СССР остается зоной нестабильности, многочисленных напряжений и конфликтов – как внутри, так и межстрановых. Стартовые позиции составляющих это пространство *Новых независимых государств* были, конечно, не тождественны, но во многих отношениях весьма сходны. Однако их эволюционные траектории оказались весьма различны и довольно извилисты. Огромную роль в эволюции постсоветских стран сыграл фактор культуры. И его значимость только возрастает. Общая память о советском периоде, хотя и задает более или менее общий фоновый контекст, все дальше отодвигается в прошлое, а формирующиеся на ее основе автономные политические культуры шаг за шагом выступают на передний план, обретая собственный уникальный облик.

Этот облик еще далеко не ясен не только внешним, но и внутренним наблюдателям, то есть самим гражданам (в том числе элитным группам) постсоветских государств. Ведь еще нигде на постсоветском пространстве не состоялся полноценный *«политико-культурный синтез»*, который Алексей Салмин охарактеризовал как: *«симбиоз теоретически непримиримых и остающихся в принципе непримиримыми политических субкультур»*; *«политический кон-*

сенсус, имеющий, действительно государствообразующее значение – устойчивое равновесие весьма интегрированных систем ценностей, а не эфемерное, скорее же простое мнимое, единомыслие всех или большинства граждан по одному или нескольким вопросам». Тем важнее внимательно следить за процессом формирования таких синтезов (который, между прочим, не обязательно и не везде окажется успешным, и совсем маловероятно, что с первой попытки). А при возможности – и осторожно влиять на этот процесс. Во-первых, потому, что слишком часто невнимание к культурным особенностям и их политическим эффектам становится причиной острейших кризисов, оборачивается трагедиями и смертями. Самый близкий такой пример – Украина. Во-вторых, потому, что результативность интеграционных инициатив и программ, реализуемых сегодня на постсоветском пространстве, также в высокой степени зависит от того, насколько их архитекторы учитывают локальную специфику политических культур, насколько гибко адаптируют к ней свои предложения и приемы. Способы и механизмы принятия и легитимации политических решений (в том числе внешнеполитических), паттерны их восприятия критерии их оценки элитами и массами постсоветских стран уже сейчас весьма различаются от государства к государству, а в дальнейшем будут различаться все сильнее. По привычке полагаться на то, что мы все «вышли из одной шинели» и потому заведомо способны понять и принять друг друга, с каждым разом становится все менее обоснованно. И все более опасно.

Таким образом, **генеральная цель исследования – выявить общее и различное в политических культурах постсоветских государств.** Это знание научит лучше прогнозировать реакции обществ изучаемых стран в целом, их политических элит, лидеров и отдельных групп на те или иные внешние воздействия. Позволит понять, какое развитие событий возможно, какое – маловероятно, какое – невозможно в принципе и, следовательно, не должно даже рассматриваться в качестве желаемого. Поможет избегать кризисов и продвигать мирное взаимовыгодное сотрудничество, избегая трений и конфликтов.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оптимальным способом достижения цели исследования был бы фронтальный, полномасштабный зондаж общественного мнения во всех *Новых независимых государствах* (за вычетом стран Балтии, направление и скорость транзита которых настолько специфичны, что эти кейсы подлежат исключению из поля сравнительного исследования). Такой зондаж, предполагающий, прежде всего, массовые опросы по максимально обширной репрезентативной выборке, дополненные иными, более тонкими социологическими инструментами, к сожалению, невозможен. Не только из-за дефицита финансовых и организационных ресурсов, но и по политическим причинам (самые трудные случаи – Туркменистан, Грузия, Украина). Поэтому исследователям пришлось ввести некоторые самоограничения.

Во-первых, в поле исследования были включены только четыре объекта: Азербайджан, Беларусь, Кыргызстан, Молдова. Это очень разные страны; тем не менее, в силу наличия общего советского исторического и культурного бэкграунда, они образуют достаточно однородную совокупность. Одновременно различия между ними достаточно велики для того, чтобы рассматривать эту четверку как задающую, хотя бы в первом приближении, конфигурацию пространства возможного на постсоветском пространстве в целом. Добавление к исследованию новых объектов, если таковое состоится, позволит уточнить контуры этого пространства и повысить адекватность наших представлений о причинах происходящих в нем событий.

Во-вторых, не будучи в состоянии полностью реконструировать всю сложность политических культур изучаемых стран, авторы сфокусировали исследование двояким образом: на политической культуре элит и на представлениях членов этих элит о массовой политической культуре «родных» обществ. Такое решение мотивировано, прежде всего, тем, что именно элиты всегда и везде (отнюдь не только в постсоветских полициях) являются основным источником управляющих воздействий на массы. Характер, вектор и интенсивность этих воздействий, в соответствии с ключевой для социологии «теоремой Томаса» (*«ситуация, воспринимаемая как реальная, реальна по своим последствиям»*), практически полностью зависят от сознательных и подсознательных установок элит. Разумеется, элитные воздействия не всегда полностью соответствуют природе управляемого объекта и потому не всегда обладают стопроцентным КПД. Даже в постсоветских странах массы не обязательно покорно следуют за элитами – в отношениях между ними случаются коммуникативные сбои, способные, в свою очередь, порождать экстремальные поведенческие реакции. И тем не менее лучшего варианта нет (во всяком случае, при нынешнем уровне ресурсной обеспеченности социологических работ). В подавляющем большинстве случаев определяющей для выбора между тем или иным сценарием развития событий будет именно позиция элит; и уж точно во всех случаях именно элиты (те или иные их сегменты, в том числе контрэлиты) будут контрагентами лиц, принимающих политические решения в России.

Таким образом, **предмет** данного исследования составили различные аспекты **политической культуры**, носителем которой является преимущественно элиты четырех республик региона СНГ – Азербайджана, Беларуси, Молдовы и Кыргызстана.

Теоретические подходы к изучению политической культуры

Понятие «политическая культура» имеет непосредственное отношение к любой политической деятельности, поскольку происходящие в обществе и государстве процессы связаны как с определенным уровнем ожиданий со стороны их участников, так и с целым набором ориентаций. При этом «политическая культура» является крайне сложной, многоаспектной характеристикой, содержание которой находит непосред-

ственное отражение в особенностях функционирования политической системы и ее ключевых институтов, специфике принятия политических решений, политической деятельности широких слоев населения. Однако в настоящее время в политической науке отсутствует эталонное, общепринятое определение политической культуры, что обусловлено значительным количеством методологических подходов к ее изучению. Нередко современные исследования политической культуры отходят от задач теоретически обоснованного определения рассматриваемого понятия, концентрируя внимание на поиске взаимосвязей между проявлениями политической культуры и теми или иными характеристиками государства.

В результате анализа структуры политической системы и выделения видов политических ориентаций Алмонд и Верба разработали матрицу, которая была положена ими в основу типологии политических культур. На основании данных, полученных в ходе исследования, которое проводилось в пяти странах – Великобритании, США, Мексике, Германии и Италии – было установлено, в какой мере распространены среди представителей изучаемых «наций» те или иные виды ориентаций на определенные классы политических объектов. Таким образом, политическая культура оказывалась преломлением политической системы в знаниях, чувствах и оценках населения. Итогом исследования послужила ставшая классической **типология политической культуры**:

- *парохиальная* (патриархальная, провинциалистская) политическая культура характеризуется полным отсутствием каких-либо представлений о политике как обособленной сфере, политические ориентации не отделены от иных ориентаций (религиозных, экономических);
- *подданническая* политическая культура отличается пассивным политическим поведением и отстраненным отношением индивида к политической системе; подданный обладает знаниями о политической системе и умеет ей подчиняться, при этом у него отсутствуют осознание самого себя как активного участника, субъекта политической системы;
- *партисипаторная* (активистская) политическая культура предполагает активное участие индивидов в политической жизни.

В дальнейших исследованиях западных политологов второй половины XX – начала XXI в основу изучения были положены различные методологические и парадигматические основания, которые условно можно свести к двум базовым «полюсам»: изучение политической культуры преимущественно на социетальном или на индивидуальном уровне.

В рамках **структурно-функционального подхода** политическая культура рассматривается как структурный элемент политической системы и выполняет значимые для общества функции (сторонники – те же Алмонд, Верба, Пай). В целом концепции, предложенные ими в 1950–1960-е гг., отличает определенный субъективизм, вызванный тем, что объектом из-

учения исследователей выступали преимущественно субъективные составляющие политического процесса – ценности, ориентации граждан относительно политики и прочие социально-психологические аспекты человеческой деятельности.

Указанные недостатки в изучении феномена политической культуры можно отнести и к **бихевиористскому подходу**, в рамках которого акцент переносится исключительно на исследование поведенческих аспектов политической культуры путем наблюдения за ними. Политическая культура описывалась исключительно как набор эмпирически фиксируемых индикаторов.

Социокультурный подход связан с изучением политической культуры в контексте происходящих в обществе изменений и обратного воздействия субъективных факторов на общественные процессы. Рональд Инглхарт – наиболее авторитетный представитель данного направления – утверждает, что изменения в социальной среде, связанные с более высокой степенью жизненной защищенности и личной независимости человека, влекут за собой «перемены в мировоззрении (worldviews) людей», «ведут к совершенно особому сдвигу в базовых ценностях».

Представители **культурологического направления** исходят из положения об определяющей роли культурного фактора в общественно-политическом развитии, из того, что политическая культура, являясь составной частью общей культуры социума, обладает определенной автономией. Одним из наиболее ярких примеров современного культурализма является работа Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций», где красной нитью проходит та мысль, что фундаментальными источниками конфликта в современном мире являются не экономические или идеологические, а именно культурные факторы и ценностные различия.

Представители **интерпретационного подхода** (Клиффорд Гирц, Роберт Такер, Пьер Бурдьё, Энтони Гидденс) рассматривают культуру как семиотическое пространство: делают акцент на символах, знаковых системах как составных элементах культуры, поиске смыслов, заложенных в них.

Так или иначе, политическая культура включает в себя ряд элементов, среди которых принято выделять культуру политического сознания, культуру политического поведения и принятия политических решений, а также культуру функционирования политических институтов.

Стоит особо отметить, что далеко не все политические установки, убеждения, представления и модели поведения, проявляющиеся в сфере политической жизни, являются элементами политической культуры. Значимыми оказываются лишь те проявления политического сознания, которые, фиксируя устойчивые, повторяющиеся связи между элементами политического процесса, характеризуются относительной устойчивостью, повторяемостью, закрепляя тем самым наиболее стабильные стороны политического опыта. При этом в рамках настоящего исследования существенно значимыми оказываются те социальные группы, которые, будучи носителями политического сознания, имеют возможность оказы-

вать непосредственное влияние на принятие политических решений и формирование общественного мнения, в том числе задавая политические установки, убеждения, стереотипы и модели поведения. Речь, прежде всего, идет о политических, экономических и гуманитарных элитах, представители которых, являясь лидерами общественного мнения, создают основы для актуализации либо новых, либо уже укоренившихся в обществе ориентаций.

Под элитой здесь понимаются представители политических, экономических, научных и других профессиональных групп, пользующиеся авторитетом и признанные как внутри своей, так и в рамках других профессиональных групп, и оказывающие существенное влияние на разработку и принятие стратегических политических решений. Находящиеся на ключевых позициях в политической, экономической и гуманитарной областях, элиты представляют собой меньшинства, которые тем не менее играют стратегическую роль в политическом процессе. Особенно важно обратить внимание на изучение политической культуры элит в кризисные эпохи, когда общество оказывается в переходном состоянии: тогда политическое сознание и политическая культура правящих меньшинств играет гораздо большую роль, нежели политическая культура населения в целом.

Модель предмета исследования

Политическая культура в рамках настоящего исследования понимается как совокупность (до некоторой степени организованная в систему) устойчивых, исторически сложившихся ценностей, ориентаций, знаний и норм, политических представлений, убеждений и стереотипов, моделей поведения, оказывающих непосредственное воздействие на повседневные политические практики, функционирование ключевых политических институтов и принятие политических решений.

Понятно, что количество параметров, применяемых для описания политической культуры любого государства (и, соответственно, переменных, используемых для сравнений политических культур различных стран) может быть сколь угодно велико. Так и возникает упомянутая выше проблема «киселя, прибиваемого к стене гвоздями» – органический порок любых исследований политической культуры. Однако это порок преодолимый. Предмет анализа должен быть операционализирован таким образом, чтобы число переменных оказалось ограниченным, а их выбор – убедительно обоснованным. Для настоящего исследования были отобраны те переменные, которые, принимая тот или иной вид, способны в наибольшей степени повлиять на внутреннюю политическую стабильность четырех постсоветских государств, а также на структуру их внешнеполитических ориентаций. Этими переменными (с дальнейшими подразделениями на субпеременные) являются:

Общие характеристики страновой политической культуры.

- наличие/отсутствие уникальных черт, прежде всего в сравнении с другими постсоветскими государствами;

- суть и содержание уникальности, если таковая признается;
- факторы формирования уникальности (историческое прошлое, географическое положение, религия, внешние влияния и т.д.);

Восприятие основных политических институтов (под которыми понимаются сложившиеся политические практики, носящие преимущественно формальный характер – то есть скорее «организации, рассчитанные на длительный период, передаваемые из поколения в поколение» по Роберту Далю, чем любые «правила игры» в обществе... ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» по Дугласу Норту).

- соответствие политических институтов мировым нормам и стандартам (включая представления о самих этих нормах, а также критерии суждения о степени соответствия или несоответствия им);
- соответствие политических институтов национальным особенностям;
- степень и конкретные выражения культурно детерминированной институциональной специфики;
- композиция политических институтов – наличие или отсутствие доминирующего центра принятия решений;
- характер взаимодействия между политическими институтами – в диапазоне от конфронтации до партнерства;
- уровень массового доверия к политическим институтам.

Типичные, одобряемые и осуждаемые политические практики.

- уровень эффективности практического функционирования политических институтов;
- степень коллегиальности процесса принятия политических решений;
- уровень коррумпированности политических институтов;
- степень влияния на страновые политические институты и элиты внутренних и внешних стейкхолдеров (то есть акторов, имеющих в отношении этих институтов и элит, а также страны в целом, свои собственные интересы и способных к их реализации);
- степень открытости, прозрачности и публичности политического процесса;

Формы и интенсивность массового политического участия.

- уровень массового интереса к политике и осведомленности о ней;
- характеристики «идеальной власти» и степень соответствия идеалу действующей политической системы;
- степень вовлеченности масс в политический процесс – в электоральной и других формах;
- тенденции к ослаблению или усилению массовой политической ак-

- тивности и их причины;
- конвенциональные (приемлемые, одобряемые) и неконвенциональные формы политического участия;
- соотношение долей граждан, лояльных, нейтральных и негативно настроенных по отношению к действующей власти.

Исследовательские процедуры

Методической основой исследования стали **серии полужформализованных интервью** с экспертами, в качестве которых приглашались представители политической и интеллектуальной элиты Азербайджана, Молдовы, Киргизии и Беларуси. В каждой стране было опрошено от 25 до 33 экспертов.

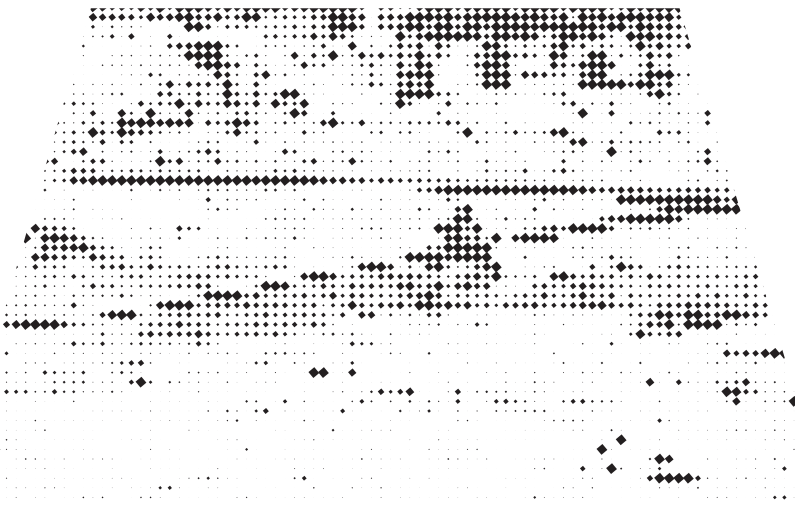
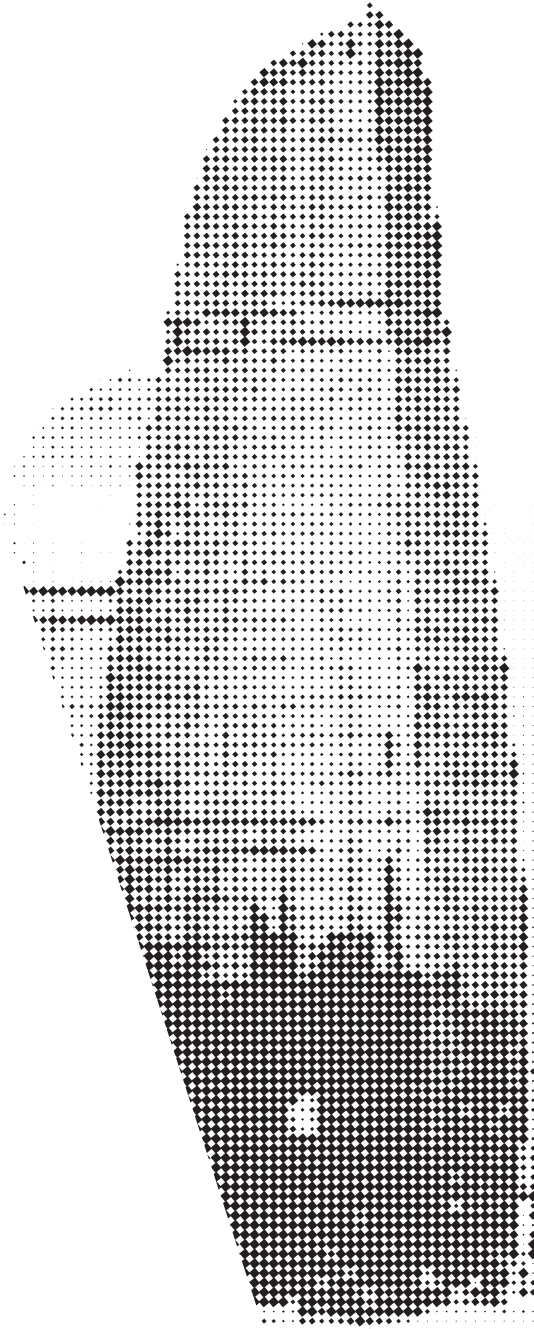
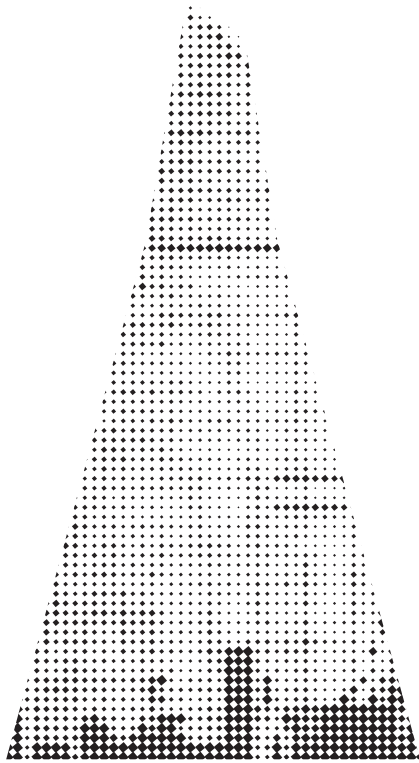
Беседа с экспертами была структурирована вопросами единого для всех стран гайда (сценария, «путеводителя»). С разрешения экспертов в ходе интервью осуществлялась аудиозапись, на основе которой готовились стенограммы (транскрипты).

В качестве дополнительных исследовательских процедур использовались:

- сбор и **систематизация корпуса текстов** по тематике исследования (в каждой из четырех стран, не менее 10 текстов); в качестве источников использовались тексты, датируемые 2010–2016 гг. (научные и аналитические статьи, программные документы политических партий и движений, политические и идеологические декларации, обзорные публикации в средствах массовой информации и т.п.). «Корпус текстов» был необходим на предварительном этапе, для выбора переменных и составления гайдов.
- **дискуссионные фокус-группы (ДФГ)** с представителями массовых слоев населения; было проведено по 2 ДФГ в каждой стране с численностью участников от 8 до 10 и с их квотированием по признакам пола, возраста и образования. Предметом обсуждения на фокус-группах было восприятие рядовыми гражданами политической культуры, политического процесса и вектора развития своих стран, а также оценки возможных форматов реинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Фокус-группы сыграли роль контрольного инструмента – его использование позволило уйти от сосредоточенности исключительно на элитных представлениях и дополнительно протестировать их адекватность социальной реальности.

Сбор данных проводился в следующие сроки:

- в Кыргызстане и Молдове – с 15.11 по 28.12.2015 года,
- в Азербайджане – с 15.02 по 10.04.2016 года,
- в Беларуси – с 15.10 по 15.11.2016 года.

АЗЕРБАЙДЖАН:

«ВСЕ ВИЖУ, ВСЕ СЛЫШУ, НИЧЕГО НЕ ГОВОРЮ»

АЗЕРБАЙДЖАН: «ВСЕ ВИЖУ, ВСЕ СЛЫШУ, НИЧЕГО НЕ ГОВОРЮ»

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Интересно, что не все эксперты признавали сам факт существования каких-либо уникальных особенностей политической культуры Азербайджана. Лишь часть опрошенных подчеркивала, что политическая культура страны имеет свои специфические черты, ярко выделяющие Азербайджан на фоне других государств:

«Азербайджан – особенная страна. Мы находимся на стыке Востока и Запада. Хотя значительная часть нашей территории относится к Азии, мы европейская страна. Естественно, это имеет значение для нашей ментальности».

«Да, мы очень сильно отличаемся, наша национальная политическая культура – она питается от традиций, истории».

Прочие эксперты занимают одну из двух позиций. Представители первой не отделяют политическую культуру Азербайджана от политической культуры постсоветского пространства в целом:

«Политическая культура начала формироваться на постсоветском пространстве в начале 90-х годов, после развала СССР. И приблизительно все страны постсоветского пространства прошли одинаковый этап. Кто-то больше преуспел, кто-то меньше».

«Я такого отличия не могу сказать. Во многих странах постсоветского пространства были жесткие столкновения, – и в России, в той же Украине. Например, на Украине недавние события под копирку повторили наши события 1992 г., когда был президент Муталибов, кстати, внешне даже на Януковича похож, то же самое был «майдан» такой, он вынужден был уйти... Азербайджан тоже не миновал вот эти все болезни, поэтому сказать, что он чем-то прямо очень отличается, нет».

Представители второй точки зрения полагают, что отсутствие уникальных особенностей азербайджанской политической культуры по сравнению с другими странами обусловлено глобализационными трендами:

«В нынешней ситуации, во время глобализации, говоря о политической культуре, нельзя выделять отдельные страны. Я бы не ставил вопрос конкретно о национальной политической культуре».

«Я думаю, что в общем и целом, те факторы, которые существуют и воздействуют на систему политической культуры в других странах, они в полной мере работают и оказывают влияние на систему политической культуры Азербайджанской Республики».

Если специфические особенности азербайджанской политической культуры все же признаются, то они, как правило, связываются с четырьмя факторами:

Историческое влияние других государств

То обстоятельство, что Азербайджан на протяжении почти всей своей истории был местом пересечения интересов и сфер влияния внешних акторов, заложило фундамент его политической культуры:

«Несомненно, сказывается влияние некоторых государств, с которыми Азербайджан связан многовековыми узами. Это Россия, Турция. Нельзя исключать Иран, в составе которого Азербайджан находился многие века. Таким образом, политическая культура Азербайджана – это своего рода симбиоз различных культур... Нельзя забывать также о советском периоде, который также наложил отпечаток на формирование культуры в целом и в том числе политической культуры».

Религия

Религиозный фактор (в стране доминирует шиитская версия ислама) в высокой степени определяет поведенческие модели азербайджанского общества, в том числе во взаимодействии общества и власти:

«В тюркском мире есть свое разделение: на суннитов и шиитов. Азербайджанцы – единственный тюркский народ, который является не суннитами, а шиитами. Это первое национальное отличие, конфессиональное отличие, традиционное. Я не имею в виду, что мы, как сирийцы или иранцы, радикальные шииты, нет, – но все равно вот это первое отличие»

Геополитическая ситуация

Не только географическое положение, но и взаимоотношения с сопредельными странами сказываются на особенностях политической культуры:

«То, что Азербайджан находится под агрессией со стороны нашего соседа, накладывает определенные черты на политическую культуру. В определенных моментах люди очень эмоционально высказывают свою точку зрения. Особенно в случае ситуации вокруг Нагорного Карабаха».

Экономические условия

Значительное количество природных ресурсов и неоспоримые экономические успехи также стали причиной зарождения специфических черт политической культуры Азербайджана:

«Азербайджан, в отличие от большинства других государств бывшего СССР, даже во времена Советского Союза считался житочной страной, в которой водились деньги... И после обретения независимости, естественно, нефтяные месторождения, которые Азербайджан имеет, нефть, которую он продает Западу, нефтяные деньги – это тоже сыграло роль в становлении азербайджанской общности и политической культуры».

Общие же характерные черты политической культуры Азербайджана, выделенные участниками интервью, таковы:

Терпимость и мультикультурализм

Терпимое, сдержанное, не импульсивное политическое поведение – черты, которые отмечает большинство опрошенных экспертов:

«Возьмите политическую культуру в Украине, где можно наблюдать постоянные скандалы между депутатами, драки, недопустимые выражения. У нас такого, конечно нет. Люди более сдержанные, несмотря на то что это южане».

«Люди разных религиозных конфессий очень свободно чувствуют себя в нашей стране. Это особенность Азербайджана, его традиций и культуры в политике. Кроме того, в общении людей нет правила обращать внимание на их религиозную принадлежность. Это один из факторов. Другим фактором является то, что мы спокойно относимся к представителям других национальностей».

«Надо отметить, что в рамках мультикультурализма прекрасно уживаются в стране и другие религии: православие, иудейство, католицизм. Это своего рода политический бренд азербайджанского общества. Это несомненно сказывается и на принятии решений, и на развитии общественных процессов в целом, и на месте, которое занимает Азербайджан в межгосударственных отношениях».

Именно поэтому, с точки зрения экспертов, азербайджанцы стремятся к решению всех проблем мирным путем и за столом переговоров, даже в отношениях с Арменией:

«Несмотря на захват Нагорного Карабаха соседней страной, Арменией, Азербайджан по сей день, двадцать с лишним лет ведет переговоры для мирного решения этого вопроса. Хотя я думаю, что другая страна давно взялась бы за оружие, потому что тут явно нарушено право азербайджанского государства».

Нейтралитет и добрососедство

Эксперты декларируют стремление Азербайджана мирно сосуществовать со всеми и сотрудничать как с Востоком, так и с Западом:

«Азербайджанская политика направлена на мирное сосуществование со всеми государствами, соседями. Это первая его политика – мирное сосуществование. Многовекторная политика, независимая, то есть в азербайджанской политике не отдается предпочтение ни одному из государств, она открыта для всех, кто желает сотрудничать с азербайджанским государством».

Стремление к стабильности

Стремление к стабильности, обеспечивающее предсказуемость политического поведения и граждан Азербайджана, и его элит, также было названо в качестве отличительной черты политической культуры страны:

«Для Азербайджана, его политической культуры, характерна стабильность – не делать поспешных выводов, не предпринимать поспешных решений».

«Вера во власть, во властные структуры, в интересы стабильности. Азербайджанский народ – 1990-е гг. на него во многом подействовали – он увидел, что может быть, когда власть ненадежная, когда непонятно, что с ним будет дальше и что произойдет».

Разделение и мирное сосуществование религиозного и светского начал

Несмотря на существование в стране количественно преобладающей религии (ислама), религиозный фактор, как отмечали эксперты, не является доминирующим в политическом процессе:

«У нас религия отделена от государства. Религия не вмешивается в дела государства. Государство создало все условия для религиозных людей... В семье, в быту мы мусульмане, а в государственном управлении – мы светские и демократичные. Посмотрите, такого нет ни в одном мусульманском государстве».

Симбиоз «восточного» и «западного»

За время формирования своей государственности Азербайджан включил в свою исходно восточную политическую культуру некоторые демократические – то есть «западные» принципы:

«Азербайджан – это страна в основном мусульманская, при этом она сумела вобрать в себя очень много от западной культуры, соответственно, политическую культуру тоже. Очень большое количество людей, которые приезжали в эту страну, прежде всего в Баку, нефтяную столицу, несомненно, определили и оказали свое влияние на формирование и элиты политической, не только политической, но и научной, культурной».

Пространственная глубина политического процесса

Отталкиваясь от примера России, где, по мнению экспертов, политическая борьба в основном сосредоточена в столице, участники интервью отмечают, что небольшой размер территории Азербайджана позволяет региональным элитам оказывать серьезное влияние на политические и экономические процессы:

«Политическая борьба внутри Азербайджана – она двухуровневая, или двусоставная. С одной стороны, на национальном уровне идет борьба за обладание какими-то конкретными ресурсами. В первую очередь это, естественно, углеводороды, это, естественно, земля и вода. Но, с другой стороны, очень сильно влияние региональных элит на этот процесс».

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Большинство опрошенных уверено, что политические институты Азербайджана полностью соответствуют мировым нормам и стандартам. С их точки зрения, это подтверждается плотной интеграцией страны в мировое сообщество и отсутствием со стороны последнего каких-либо нареканий относительно качества демократии в Азербайджане:

«Мы являемся членами многих международных организаций. Лично я, являясь депутатом нашего парламента, вхожу в состав нашей делегации в Парламентской Ассамблее Совета Европы. В этой организации присутствует 47 стран. Мы интегрированы в Совет Европы, в Содружество Независимых Государств (СНГ), в разные международные организации, в том числе ОБСЕ, ООН».

«Азербайджан подписал много важных соглашений международного характера в рамках Европы, в рамках ООН, в области прав национальных меньшинств, свободы использования ими своих языков. В нашу Конституцию заложены нормы и правила демократии, свободы личности».

Хотя политико-правовое поле Азербайджана *«абсолютно соответствует нормам зарубежных стран, в частности, западных»*, серьезной проблемой остается недостаточная практическая имплементация хороших законов:

«Если взять нашу законодательную базу, то наши законы, может быть, даже более прогрессивны, чем во многих европейских странах. Вопрос в их исполнении! Вот в чем проблема! Законы есть, нет механизма контроля за исполнением этих законов».

Вместе с тем не раз обозначалась та позиция, что *«слепого следования внешним стандартам нет»* – политические институты Азербайджана сохраняют свою специфику и никогда не будут полностью копировать европейские. Тем самым обеспечивается их соответствие нормам национальной политической культуры:

«Нельзя отбросить наши особенности, связанные с традициями, религией, внутрисемейными ценностями, наконец. Они по сей день являются определяющими в азербайджанском обществе... Нас невозможно заставить принять закон, например, разрешающий однополые браки. Это чуждо нашему обществу, нашему народу, традициям, религии. Или, например, закон об альтернативной воинской службе. Этот закон принят даже не во всех европейских государствах. Не говоря уже о том, что Азербайджан уже многие годы находится в состоянии войны».

«В Азербайджане сохранили свою самобытность, в то же время используют европейский опыт, европейский путь. Можно сказать, «исламский запад», «восточный запад», «западный восток»...

Лишь единожды была высказана альтернативная точка зрения, согласно которой азербайджанские политические институты национальной политической культуре совершенно не соответствуют:

«Наше население не аполитично, оно склонно к созданию партий, участию в парламенте, в принятии решений и т.д. Значит, национальный характер нашего народа – это вовсе не безразличие к политике. Нет, политические институты находятся в противоречии с желанием и культурой народа. Нынешние властные политические институты служат только для подавления политической воли и культуры азербайджанского народа».

Композицию политических институтов Азербайджана респонденты описывают как преобладание исполнительной власти (в особенности президентской):

«Доминирование исполнительных властей над муниципалитетами. Доминирование президентского института над всеми другими. И в итоге доминирование одного человека – президента. Нет партнерства даже между министерствами. Одно министерство может лишиться всех полномочий в один миг по распоряжению президента».

«Жесткая вертикаль власти предполагает, что исполнительные органы в лице института президентства доминируют и над парламентом, и над судебной властью».

Конфронтационных отношений между политическими институтами респонденты почти не наблюдают, что также связывается ими с доминантным статусом президента и вообще исполнительной власти:

«У нас президентская республика и достаточно сильная исполнительная власть. Поэтому если конфликты бывают, то незначительные».

«Президент как скажет, так и будет. Все конфликты убиты. Конфликт может быть только в распределениях экономических ресурсов и финансовых потоков».

«В отличие от других республик, я вообще не вижу какого-либо конфликта между законодательной и исполнительной властью».

Были и такие эксперты, которые заявляли, что в Азербайджане взаимодействие между политическими институтами строится преимущественно на принципах партнерства и сотрудничества:

«Я считаю, что на сегодняшний день между нашими политическими институтами существует очень правильное сотрудничество. И все это на благо нашего народа и государства».

«Скорее партнерские, потому что, условно говоря, если они будут между собой конфликтовать, то последуют какие-то определенные выводы в отношении конфликтующих, и, если такое происходит, то, естественно, власть старается такого не допустить, потому что считается, что в общем и целом все должны действовать в едином поле».

Уровень доверия масс к политическим институтам, прежде всего к институту президентства и институтам сферы безопасности, единодушно оценивается как высокий:

«По результатам последнего опроса рейтинг президента составил около 90%. Это показывает, насколько верховная власть пользуется доверием».

«Институт президентства очень высокую поддержку имеет. Парламент если брать, то надо признать, что он имеет меньшую политическую поддержку населения. Потому что многие считают, что это орган несколько декоративный, что большинство парламентариев надо разогнать, выбрать туда новых. Доверие к силовым структурам в целом высокое, и к вооруженным силам, и к спецслужбам».

Однако надо учитывать, что экономический кризис снижает возможности трансляции президентского капитала доверия иным политическим институтам:

«Народ верит своему президенту и своему правительству, но после девальвации маната, закрытия ряда банков, когда у населения остались долларовые кредиты, доверие очень сильно упало. Это доверие надо возвращать, особенно доверие к банковской системе».

В то же время упадок доверия к отдельным элементам действующей политической системы не означает автоматического роста доверия к альтернативным центрам влияния (во всяком случае, доверия открыто выражаемого):

«Партии в Азербайджане не пользуются каким-то успехом у большинства населения».

«Оппозиционным силам значительная часть населения открыто не выражает свою поддержку из-за страха быть наказанными».

ТИПИЧНЫЕ, ОДОБРЯЕМЫЕ И ОСУЖДАЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Эффективность практического функционирования азербайджанских политических институтов оценивается экспертами неоднозначно. Так, часть их заявляет, что эффективность институтов достаточно высока:

«У нас централизованное управление. У нас президентская республика, поэтому исполнительная власть работает четко. Законодательная власть с уважением относится ко всем инициативам исполнительной власти, у нас тесное сотрудничество структур власти, в отличие от той же Украины, где многие решения исполнительной власти парламент тормозит. У нас таких проблем нет».

«Можно, в общем, сказать, что если в Азербайджане стабильность, если нет гражданской войны, если единственная и основная проблема – это оккупированные территории, если все это сохраняется на протяжении долгого времени, значит, институты эффективны».

«В большинстве своем существует единое мнение, единая поддержка структуры властей, политики, поэтому общество, само по себе количество народа, которое непосредственно поддерживает и одобряет действия политиков современного Азербайджана, позволяет судить, что эффективность проводимой политики достаточно высокая».

Однако есть и те, кто придерживается противоположной точки зрения, фиксируя низкую эффективность политических институтов, в особенности в том, что касается региональных проблем:

«Я думаю – низкая. Это, по-моему, всем известно. Когда мы говорим «политические институты» – это предполагает вещи устойчивые. Скажем, традиций парламентаризма в Азербайджане – это то, чего, скорее всего, нет. Традиции отношений «власть – оппозиция» – устойчивы? Нет. А это важнейший институт. Состояние нашей армии? Дедовщина. Коррупция. Это все показывает, что эти институты не только неустойчивы, но и неэффективны».

«Низкая. Это свойство почти всех авторитарных правлений».

«Поэтому я бы не сказал, что уровень эффективности власти высокий в плане реализации решений, так как, кроме столицы, есть регионы, есть проблемы регионов».

Большинство экспертов придерживается срединной позиции, оценивая азербайджанские политические институты как умеренно эффективные:

«Скорее эффективная, чем низкая. Например, работа такого политического института, как администрация президента. Я оцениваю его работу на «хорошо»».

«Я считаю, что наши политические институты хорошо работают, но нельзя сказать – идеально. Если бы все было идеально, то не было бы прогресса».

«Ну, политические институты, если брать с точки зрения существования государства и тех задач, которые государство осуществляет на международной арене, то они довольно-таки эффективны».

Наиболее эффективным политическим институтом эксперты назвали институт президентства («у нас гиперсильная президентская власть»), а самыми неэффективными – политические партии («все наши политические партии «мертвые») и судебные органы («столько жалоб, сколько в этой системе власти, нет нигде»).

Эксперты практически единодушно отрицают наличие практик коллегиальности в принятии политических решений. В их существовании уверены лишь несколько респондентов, и то с той оговоркой, что сами решения принимаются первым лицом государства, а коллегиальность присутствует только на стадии предварительных обсуждений:

«Даже если решение принимает президент, то я уверен, что он принимает это решение после определенных обсуждений, дискуссий и так далее. Коллегиальность уже у нас стала и является давно основой, так сказать, деятельности и принятия решений».

Большинство же опрошенных высказало твердую убежденность, что практика коллегиального принятия решений отсутствует вообще – в том числе по причине отсутствия соответствующих установок в политической культуре:

«На уровне власти – нет коллегиальности. На уровне оппозиции – нет. На уровне общественных организаций – тоже нет. У нас продолжается единоначалие».

«У нас единоличное принятие большинства решений. Возможно, для нынешнего времени скорее коллегиальное решение могло быть лучше, но пока единоличное. Но вы знаете, для теперешней ситуации это не совсем плохо. У нас в менталитете это – решает главный в семье».

При этом некоторые респонденты, считающие, что единоначалие в процессе принятия политических решений – важное условие стабильности и развития Азербайджана, апеллируют к исламской традиции:

«Пока мы еще строим правовое демократическое государство. Как показывает практика, если брать молодые независимые государства, особенно мусульманские, там полная демократия не приводит к нужным результатам. На данном этапе для нас важна твердая рука главы государства. И он может принимать единоличные решения».

Ряд экспертов указывает на то, что формат принятия решений варьируется от института к институту:

«Зависит от института власти. Например, законодательная власть – коллегиальная, законы принимаются не одним».

человеком, они принимаются парламентом страны путем голосования. Исполнительной власти больше присуще единоличное принятие решений. Например, решения, принимаемые министерством, несмотря на наличие коллегии министерства, больше зависят от единоличного решения министра».

Абсолютное большинство экспертов констатировало высокий уровень коррумпированности политических институтов Азербайджана:

«Высокая коррупция. Причем это отмечено не только разными негосударственными организациями типа «Transparency International», но и на личном опыте подтверждается».

«Коррумпированность у нас на очень высоком уровне. Я думаю, что мы не лидеры по коррупции в мире только потому, что неправильно проводятся исследования. Коррумпированность – это норма жизни... Имеется в виду коррумпированность на уровне власти».

Лишь единожды было высказано суждение, что уровень коррумпированности политических институтов Азербайджана скорее низкий («я бы оценил, на сегодняшний день низкая коррумпированность, не сказать, что ее нет»), и что наблюдается тренд на уменьшение коррупционной составляющей:

«Тенденция идет к уменьшению коррупции в стране. Появляются новые институты, которые ограничивают коррупцию. Например, это служба АСАН (Государственное агентство по оказанию услуг гражданам и социальным инновациям)».

В ходе интервьюирования экспертами проводилось четкое различие между степенью зависимости представителей формальной и неформальной элит от внешних стейкхолдеров. В отношении неформальной элиты эксперты отмечали некоторую ее зависимость от внешних стейкхолдеров – впрочем, ослабевающую в последние годы:

«Неформальная элита всегда зависима от внешних факторов. Она всегда или прозападная, или пророссийская, или проиранская. Неформальная элита очень редко бывает независима, она всегда работает на какие-то центры. Наша власть дает понять неформальной элите, что это ненормально. В Азербайджане раньше были чисто прозападные, проиранские силы и др. Конечно, они и сейчас есть, но сейчас эти силы не так заметны».

Что касается формальной элиты, то она независима от внешних стейкхолдеров:

«Яркий пример – долгое время Россия арендовала у нас Габалинскую РЛС. Но, исходя из наших интересов, мы все-таки прервали это соглашение, хотя это могло ухудшить наши отношения с Россией... И сейчас есть много критиков «Южного потока», который мы собираемся строить. Может, это в противовес интересам других государств, но приоритет за нашими национальными интересами, и мы их отстаиваем».

«Несомненно, Азербайджан в этой системе существует, влияние испытывает. Но мне, тем не менее, приятно, что руководство Азербайджана находит все-таки возможность вот при том давлении, которое на них существует – иногда совершенно неприкрытом – находить золотую середину и проводить свою собственную политику и свои интересы».

Меньшая часть экспертов все же указывала на сильную зависимость политических элит Азербайджана от ключевых игроков на мировой арене:

«Находясь в стратегически важном регионе, безусловно, Азербайджан испытывает влияние внешних игроков. В том числе очень показательно, как ведет себя Россия в том же вопросе поставки энергетических ресурсов Азербайджана в Европу... Азербайджан имеет территориальные конфликты – это тоже обуславливает то, что страна испытывает на себе огромное давление со стороны, и это как бы становится козырем в руках тех же Ирана, России, США, Европейского Союза. Нельзя сказать, что Азербайджан не испытывает влияния, я бы сказал, испытывает довольно серьезное».

Какая-либо зависимость формальной политической элиты от внутренних стейкхолдеров респондентами уверенно отрицается. В первую очередь это связывается с концентрацией природных ресурсов в руках самой же формальной элиты:

«Нет такого, абсолютно. У Азербайджана есть большой плюс перед Россией, кстати, этот плюс перед Россией есть и у Белоруссии. Ну, скажем, нефть на 100% принадлежит государству, в России нефть только на 25% принадлежит государству. Все остальное – это «Лукойл» и т.д. И, естественно, Путин вынужден собирать руководителей нефтяных компаний и говорить: «Ребята я вас прошу, не повышайте цены на бензин». У нас такого нет».

«Не сказать, что они совсем независимы, это будет неправдой, конечно, есть определенное влияние со стороны. Но есть, знаете, и грань, которую невозможно перейти. Раньше, если судебное решение можно было получить по телефону, условно говоря, какой-нибудь олигарх мог позвонить, и ему принесли бы. Сейчас такого нет».

Большинство экспертов констатирует сочетание закрытости и непрозрачности политических институтов с имитацией их публичности:

«Работа политических институтов непрозрачна, полужакрыта для прессы и общественности. Не учитываются предложения, критика членов гражданского общества, оппозиционных партий, независимой интеллигенции».

«Они пытаются выглядеть открытыми, публичными, у них у всех есть сайты, размещаются решения на сайтах, но опять же это полная дань традиции, которая пришла из Европы, западной политической культуры. И это прекрасно. Но в общем и целом пока что такой реальной открытости не существует».

В числе причин закрытости политических институтов эксперты называют особенности политической культуры и неразвитость каналов трансляции информации:

«У нас многие политики не публичны и не открыты. Из-за отсутствия политической культуры они боятся, что их неправильно поймут, истолкуют. У нас отсутствует нормальное информационное поле: то, что есть, достаточно агрессивно. Часто те или иные слова политиков искажаются, перевираются, поэтому у них нет доверия к прессе».

Ряд опрошенных тем не менее полагает, что деятельность политических институтов достаточно открыта:

«Во-первых, каждый из них имеет соответствующую службу – пиар, службы информации. Кроме этого, проводятся периодически и регулярно брифинги, встречи с медиа, далее, все контактные номера и детали, параметры с сайтов – сайты у всех есть, то есть, нет никаких ограничений в доступе. Они достаточно открыты».

«Исполнительные власти, я знаю, они почти ежемесячно проводят общие слушания, плюс есть приемные часы у руководителя, они не формальные, не то что там он принял, выслушал и все... Есть в городе, например, представитель из прокуратуры, из следственных органов, полиции – принимают граждан и выслушивают».

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ И НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ

По мнению большинства экспертов, население Азербайджана сознательно отстраняется от политики, что демонстрирует слабую выраженность культуры политического участия:

«Политика – это не та сфера, куда азербайджанцы хотят добровольно входить. Большинство населения считает, что эта сфера должна находиться исключительно в зоне влияния властей. Им до политики нет дела. Единственное участие в политике – это выборы».

Впрочем, и электоральная активность невысока – потому что рассматривается как заведомо неэффективная:

«По сложившейся традиции последних лет граждане в основном не идут на выборы, активно не принимают участия в голосовании, а те, которые участвуют в выборах и недовольны результатом, не желают защищать свои украденные голоса».

«Во время авторитарного режима избирательная система сведена на нет, и в этой ситуации ни о какой степени политического участия не может быть и речи».

«Положение в стране, политика президента – все их устраивает. Они думают, что парламент изберут такой, как нужно, и без их участия. Политическая, экономическая стабильность, хотя не без взлетов и падений, но все-таки стабильность есть, и это переключает людей больше на личные дела».

Слабую вовлеченность в политический процесс участники интервью в ряде случаев объясняли отсутствием должных условий:

«Даже те люди, которые политически активны в социальных сетях, многие пользуются фейковыми профилями. Азербайджанское правительство ограничивает развитие страны, политическую культуру населения. Это выгодно властям, так как аполитичной массой легче управлять».

Напротив, меньшая часть респондентов считает, что степень вовлеченности граждан в политику достаточно высока. Она проявляется как в их непосредственном политическом участии, так и в осведомленности о ходе политического процесса:

«Я считаю, что в Азербайджане большинство народа за власть. И очень маленькая часть за оппозицию. Но и те, и другие вовлечены в политический процесс страны».

«Так или иначе, 80% населения вовлечены в политику, они очень хорошо разбираются в текущих моментах. То есть политическая грамотность азербайджанского населения высока, намного выше, чем во многих странах СНГ».

Многие респонденты указывали на то, что раньше гражданская активность была выше, а сейчас наблюдается очевидный понижательный тренд:

«Если брать динамику определенную, политическая активность, она с середины 1990-х гг. стала постепенно-постепенно убывать. В разные времена, конечно, в политической активности наблюдался всплеск. Это обычно бывает в предвыборные кампании, скажем, президентские, парламентские, но в целом тенденции идут к убыванию».

Снижение гражданской активности они связывают преимущественно с тем, что по «объективным причинам» «установилось доминирующее влияние одной политической партии»: в оппозиционных партиях, таких как «Народный Фронт» и «Мусават», происходят «расколы», «очень серьезные скандалы» и «смена политического руководства», из-за чего их позиции в глазах населения сильно пошатнулись. Другой фактор – неприятие неконвенциональных форм политического участия, присвоение стабильности статуса доминирующей политической ценности

«Азербайджанский народ не является ни пассионарным, ни революционным».

«Если власть выражает определенным способом интересы народа и что-то для него делает, он будет поддерживать ее до конца. То есть ситуация, когда можно взорвать страну, вызвать революцию, беспорядки и тому подобное, не будет поддержана большинством населения страны».

«Своего рода консервативность мышления. Народ больше склонен к стабильности, которую имеет на руках, чем к тому действию, в результате которого он не уверен».

В том числе и гражданские активисты Азербайджана предпочитают конвенциональные формы политического участия: «участие в выборах», «референдумы», «активность в социальных сетях». Редкие прецеденты неконвенциональных форм политического участия (что характерно, к ним, по мнению опрошенных, относятся мирные акции протеста) эксперты связывают только с экономическими трудностями или со спонтанным выражением позиции по карабахскому вопросу. При этом степень влияния таких прецедентов на общественное мнение и тем более на политический процесс признается мизерной:

«Например, оппозиция в Азербайджане заявляет, что провела большой митинг, а фактически на митинге было 1200-1500 человек. В научной политике есть признанные методы, которые рассчитывают объем митинга. И там сказано, что митинги с количеством меньше 10000 человек считаются незначимыми и маленькими, которые не влияют на общественное мнение. За последние 20 лет в Азербайджане такого митинга не было».

Значительная часть опрошенных, отмечающих слабую вовлеченность населения в политику, считает такую ситуацию отражающей объективные реалии Азербайджана и не видит в ней ничего негативного (иногда проводя неожиданные параллели):

«Я считаю, что это неплохой фактор, когда человек занят собой, своим бизнесом, своей семьей, своими делами. Это значит, что республика развивается. В стране стабильно и благополучно. А когда в стране стабильно и благополучно, человеку не очень интересно, что там происходит наверху».

«Я бы хотел, чтобы в Азербайджане было так, как в Эстонии. Когда люди занимаются политикой? Когда они голодны, что-то не устраивает... Если ты видишь, что за тебя решают вопросы, нет необходимости идти на митинг, нет необходимости выступать».

Большинство участников интервью полагает, что осознанно лояльных власти граждан на сегодняшний день больше, чем (суммарно) безразличных и настроенных конфронтационно, поскольку население преимущественно довольно проводимой властями политикой:

«Сегодня политика правительства приветствуется, поддерживается, и народ в основном гордится своим президентом. Во главе государства стоит умный, образованный, интеллектуальный, культурный президент».

«Конфронтационно настроенных очень мало. Даже в самых дальних регионах страны, куда невозможно было добраться, на сегодняшний день есть дороги, свет, газ. Это показатель экономического роста государства. Оппозиции такой слабой, как на сегодняшний день, не было никогда».

Одновременно то же самое большинство респондентов считает, что число нейтрально, индифферентно настроенных граждан в последнее вре-

мя растет – что, впрочем, является неустойчивой и потенциально обратимой тенденцией:

«Да, безразличных людей стало чуть больше, чем было, и это связано с экономическим положением в стране. Многих сейчас интересует больше, как заработать денег, нежели политика. Но мы эмоциональный, по сути, народ и оставаться совершенно безразличными не умеем».

«Я бы не назвал это безразличием. Если бы у людей было подозрение, что во власть попадут люди, которые перевернут эту стабильность, они бы пошли голосовать, чтобы предотвратить это».

ФОКУС-ГРУППЫ: КОНТРОЛЬ АДЕКВАТНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

Прежде всего следует отметить, что абсолютно все участники фокус-групп в той или иной степени (преимущественно высокой) декларировали свой интерес к политическим событиям в Азербайджане и за его пределами:

«Как и всех, меня тоже интересует все, что происходит вокруг – я тоже часть этого общества и хочу знать, что будет со мной, с обществом, со страной».

«Мы являемся гражданами этой страны, следовательно, мы должны знать, какую политику проводит человек, стоящий у власти, или его команда»

«Не полностью увлекаюсь, но слежу за новостями, читаю».

Они твердо убеждены, что этот интерес разделяют и практически все их сограждане:

«Нет людей, которые не интересуются политикой. Даже если кто-то скажет, что он не интересуется политикой, то он будет не прав. Политика вошла в нашу жизнь, хотим мы этого или нет».

«Кто-то интересуется сознательно, кто-то – не понимая того. Если мой образ жизни зависит от политики, которую ведет мое государство, я не могу не интересоваться политикой. Будь то внутренняя политика или внешняя».

«Насколько экономика становится слабее, настолько люди находят в себе силы заниматься политикой. Узнают, интересуются, исследуют окружающие их события. И при всяком изменении в экономике, при изменении сил и уровней экономики и политики, люди начинают активизироваться».

Респонденты не имеют общей точки зрения на то, какая форма правления в наибольшей степени соответствует политической культуре Азербайджана. Все они поддерживают нынешнее республиканское устройство (видимо, за отсутствием реалистичных альтернатив), но именно разновидность республики предпочтительнее – президентская,

парламентская или смешанная, – определиться не смогли. Как и с тем, к какому типу относится действующая система власти – впрочем, не испытывая сомнений в ее оптимальности:

«Почему именно республика? Потому что у граждан бывает надежда на то, что смогут выбрать власть сами. А при монархии, особенно при диктатуре, люди не могут даже высказать свое слово».

«С целью стабильности, президентская лучше. Страна управляется единым центром».

«Я думаю, республика лучше, потому что в процессы могут вмешаться обе стороны».

«Аналога нашей стране нет, поэтому для нас вообще нужно создать что-то необыкновенное, чего нет в мире».

«У нас очень хорошая структура. Не надо искать ничего. Просто надо соблюдать систему».

«У нас и парламентская, и президентская страна. Это близко к идеалу. Власть не сосредоточена в одном центре».

«Идеальная власть по-азербайджански» описывалась в следующих категориях:

- она «поддерживает экономическое развитие»; *«народ этой страны получает хорошую прибыль от общих финансовых поступлений в бюджет страны и тем самым может улучшить свое благосостояние»;*
- она является гарантом *«стабильности, спокойствия, уверенности в завтрашнем дне»;* при этом обеспечивает *«приток новых конструктивных сил»;*
- она близка к народу (*«полностью контролирует все нужды народа», «служит интересам народа»;* не допускает возникновения *«пропасти между властью и народом»*).

Однако высокий интерес к политическому процессу и общее, диффузное одобрение существующей политической системы сочетаются с довольно туманными представлениями (радикально отличающимися от экспертных суждений) о ее институциональном дизайне и механизмах функционирования. Так, по мнению участников фокус-групп, власть в стране осуществляют: *«министерство внутренних дел и другие силовые структуры», «исполнительная власть», «законодательные органы», «президент», «Первая Леди», «Фонд Гейдара Алиева»* и т.д. Власть – это те, *«кто имеет право давать указы, кто имеет в распоряжении определенные ресурсы».* Профессионально политикой занимаются *«депутаты», «чиновники», «президент», «помощники президента», «министры», «политологи», «представители различных партий», «оппо-*

зиционеры», «высшие слои общества», «неправительственные организации».

Что касается оценок политического участия граждан Азербайджана, то здесь результаты фокус-групп, в целом совпадая с данными экспертных интервью, принимают еще более радикальный характер. При этом мотивы массового отказа от политического участия описываются более ясно, уже не сводясь к элементарному конформизму:

«Интересуются, но не занимаются».

«В политику вмешивается тот, кто хочет повысить свой статус, стремится к власти. Простой народ молчит и не вмешивается».

«Я думаю, в наше время простые люди не могут участвовать в политике. Во-первых, потому, что правительство установило такую тактику, чтобы политикой занимались только те, кого они выдвигают. Это должны быть люди, которые будут хвалить власть и вести ту же политику, что и правительство. Оппозиционеров почти не существует».

«Люди боятся, что их арестуют».

«У меня есть один знакомый. Мы почти ровесники. Недавно он что-то написал в Фейсбуке и его осудили на месяц».

«У нас нет свободы слова. Очень часто я видела, как не проходило и часа, как приходили и арестовывали людей, которые выскажут свое мнение».

В качестве конвенциональных форм политического участия называли *«различного рода митинги и акции протеста»*, а также вовлеченность в электоральный процесс (*«участие в выборах – это и есть участие в политике»; «предвыборные агитационные кампании»*).

Неконвенциональные формы политического участия, по мнению опрошенных, выбираются гражданами только под давлением серьезных социально-экономических проблем, что случается достаточно редко:

«Если человек как-то зарабатывает на хлеб насущный для своих детей, то он думает так: «Мои дети не голодные. Я зарабатываю». И поэтому не вмешивается в политику, но приходит момент, когда он не может заработать, и тогда начинает вмешиваться».

«Недавно, после последних экономических событий, мы стали свидетелями того, что люди участвуют в таких мероприятиях. Были акции в районах, связанные с экономическим положением народа, безработицей».

Участие в выборах большинством опрошенных расценивается как достаточно редкая, малозначимая практика, к тому же в основном навязываемая административным ресурсом:

«Я был один раз ради интереса – тогда мне исполнилось 18 лет».

«Я тоже участвовал только один раз»

«Несмотря на то, что я не знал кандидатов, пошел на последние выборы. Просто прочитал, посчитал количество кандидатов и вслепую выбрал одного».

«Я всегда хожу на выборы и бросаю в урну испорченный бюллетень. Все равно ни мой, ни кого-то другого голос не будет приниматься во внимание».

«Если они вынуждены, то да – ходят. Особенно те, кто работают на государственной работе».

Отмеченный экспертами понижательный тренд политической активности подтверждается материалами фокус-групп:

«Раньше люди шли активнее».

«Я раньше активно ходила, а теперь – нет»

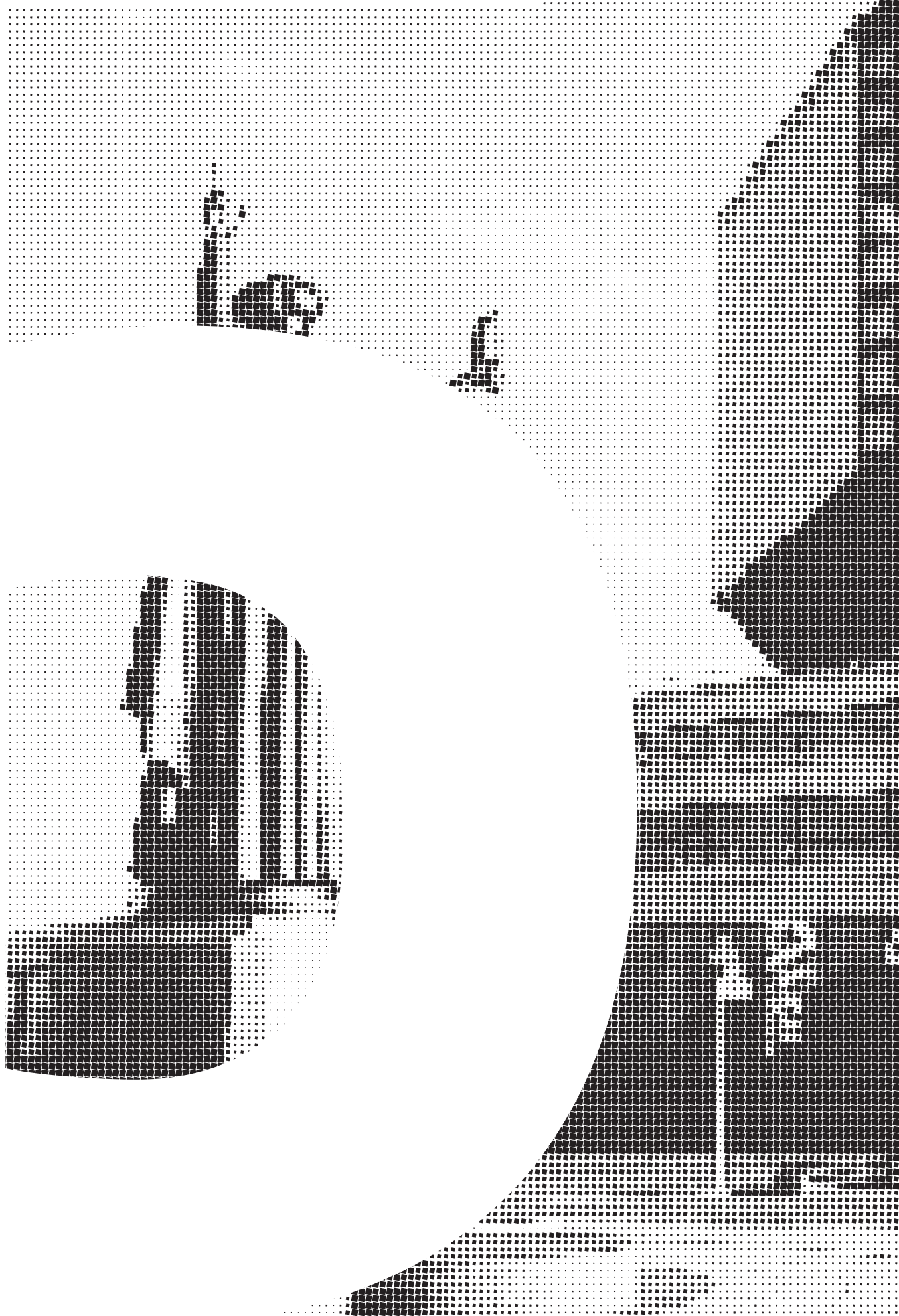
«Например, в 1992 г., когда государство только зарождалось, люди очень охотно шли на выборы. Каждый хотел внести свой вклад, у народа была надежда, охота».

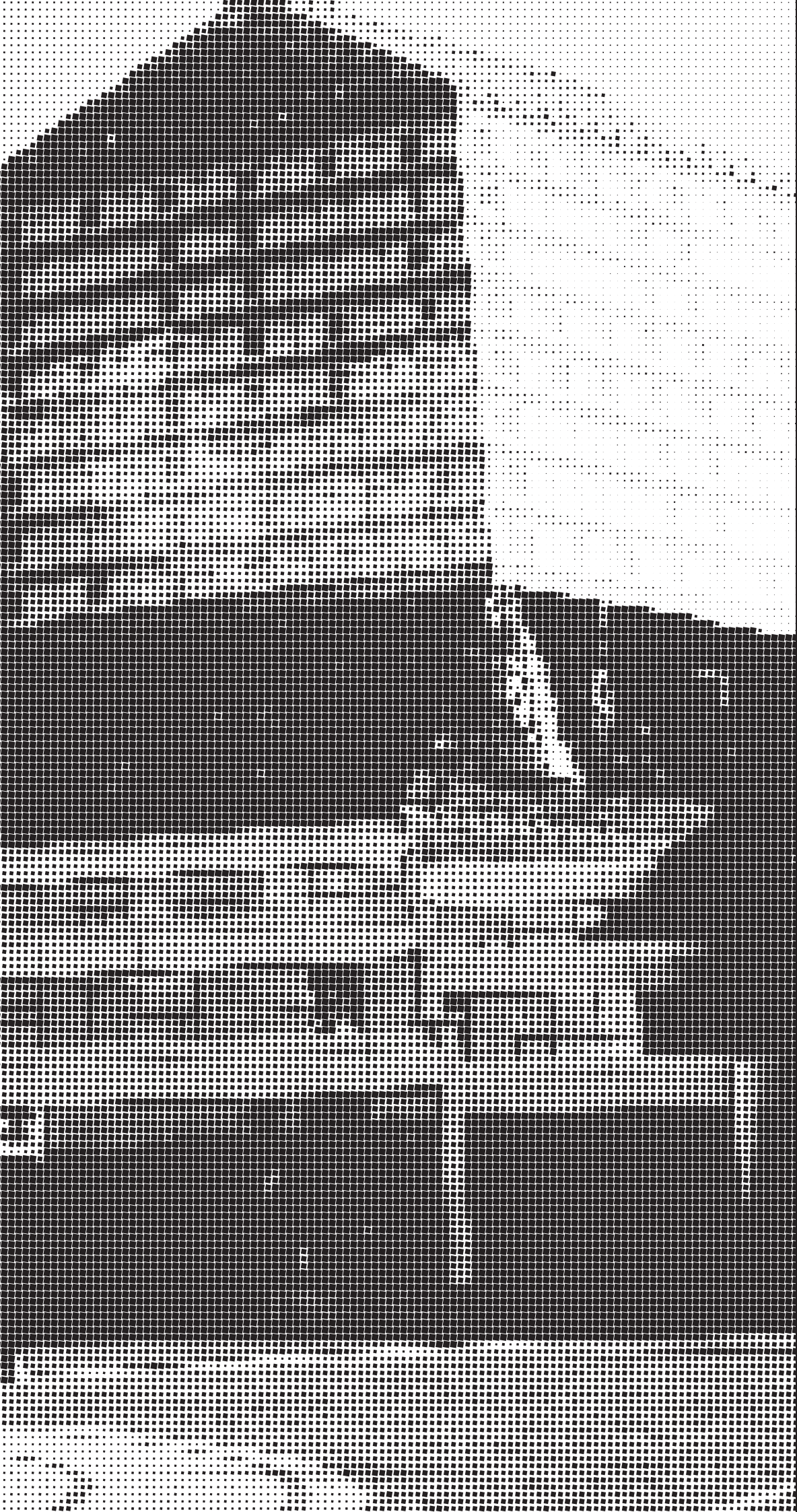
Сегодня электоральной системе «многие уже не доверяют», думают: «Зачем тратить время? Все равно мой голос не будет считаться» и предпочитают «лучше не терять время, а решать свои проблемы»:

«Я не буду врать, что я участвую в выборах: совсем наоборот. Знаю, что мое участие в выборах не имеет никакого значения. Я сама несколько раз становилась свидетелем того, что победители выбираются заранее по конкретным цифрам за пять-шесть месяцев вперед».

«Все равно ничего не смогу сделать, только понервничая лишний раз»

Сохранение электоральной активности некоторой части населения объясняется участниками групповых дискуссий тем, что *«таким образом человек чувствует себя комфортнее и чувство вины уменьшается»*. Однако реальное влияние персонального «голоса» на положение дел в стране признается пренебрежимо малой величиной.

БЕЛАРУСЬ:

«АБЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ»

БЕЛАРУСЬ: «АБЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ»

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Абсолютное большинство экспертов оказалось единодушно во мнении, что белорусская политическая культура обладает ярко выраженными индивидуальными чертами и либо уже окончательно оформилась, либо находится на завершающей стадии формирования. В отличие от Азербайджана, здесь нет дискуссий ни о степени специфичности собственной политической культуры, ни о ее причинах – минуя эти стадии, эксперты сразу переходят к описанию ее основных, опорных элементов. Подобный взгляд на вещи можно трактовать двояко – и как не критический отказ от анализа реально существующей проблемы, и как разумное нежелание искать проблему там, где ее в действительности нет. В любом случае прочный экспертный консенсус фиксирует следующие фундаментальные характеристики белорусской политической культуры:

Патернализм

Он проявляется в том, что граждане полностью делегируют власть и влияние политическим институтам, которые, в свою очередь, обычно даже не рассматривают возможность реализации гражданских инициатив – поскольку граждане таких инициатив и не выдвигают. Участники интервью интерпретируют подобное отношение населения к власти как проявление уважения:

«К власти относятся как к чему-то важному, к чему-то сильному, что нужно поддерживать, и, что, в свою очередь, должно поддерживать каждого конкретного гражданина. То есть в белорусской политической культуре есть такой своеобразный, как мы это называем, «социальный контракт»».

Толерантность

По мнению экспертов, именно она является ключом к пониманию белорусского национального характера. Толерантность может иметь различные проявления в зависимости от исторического и социального контекста.

«Отношения субъектов политики характеризует повышенная толерантность. В значительной степени это определяется тем, что у нас не было этих «оранжевых революций», серьезных потрясений, гражданской войны – это, конечно же, влияет на политическую культуру».

Любопытно, что белорусская толерантность, по мнению экспертов, благоприятна в любом случае – при дальнейшем движении Беларуси, как по демократическому, так и по консервативному пути. В условиях устойчивой демократии, сформировавшейся и консолидированной демократической политической культуры толерантность проявится в терпимости членов сообщества к индивидуальным и групповым ценностным ориентациям, отличным от их собственных, вплоть до межпартийных разногласий. В случае выбора консервативного пути толерантность будет выражаться в том, что граждане Беларуси не будут активно противодействовать ни власти, ни оппозиционным меньшинствам, тем самым смягчая их возможное противостояние.

«Инстинкт самосохранения» Беларуси

«Очень редко встречаются политические силы, которые ставят своей задачей раскачать лодку до обрушения. Обычно это маргинальные силы, которые в общем-то не имеют доступа к реальной власти».

Высокая адаптивность населения к любым политическим изменениям

Эксперты единодушно указывают на то, что белорусское общество никогда не было склонно к радикальным действиям и ожесточенному сопротивлению власти, что в Беларуси не было серьезных социальных потрясений, спровоцированных изнутри. События 1917 г. и восстание 1863-1864 гг., по их мнению, были инициированы извне. К любым внешним шокам это общество стремится приспособиться, и не без успеха:

«Был прекрасный опрос не так давно – «Что вы будете делать, если нападет на Беларусь НАТО?». И зеркальный такой вопрос – «Что вы будете делать, если нападет на Беларусь Россия?». Получилось, что ответы практически одинаковы. От 15 до 20% сказали, что они будут воевать с оружием в руках. Приблизительно 10%, сказали, что они будут приветствовать эти изменения. А большинство сказало, что они адаптируются к ситуации».

«Советскость»

Часть экспертов полагает, что политическая культура Беларуси полностью денационализирована. Респонденты убеждены, что этот момент связан с долгим пребыванием белорусов в составе Российской Империи, а затем с вхождением в Советский Союз, где национальный элемент был нейтрализован. В этом контексте эксперты часто используют по отношению к белорусам понятие «человек советский», отмечая ярко выраженное присутствие ностальгических настроений. Многие ак-

туальные элементы политической культуры, среди которых символика, стереотипы и часть традиций, пришли из советского прошлого. Одна из таких традиций – активное участие в выборах, неизменно высокая явка. Скорее всего, граждане воспринимают этот акт как символический: они считают, что власть в государстве вряд ли изменится, однако все же активно принимают участие в голосовании.

«По данным социологических опросов, на вопрос «Как вы участвуете в политике Беларуси» граждане отвечают, что поход на выборы – это и есть их участие в политике».

Политическая элита Беларуси, по мнению опрошенных, также придерживается «советской» парадигмы экономической и политической активности. Этот факт отражается как в высказываниях, так и в поведении политических элит Беларуси. Также эксперты отмечают тот важный для понимания политической культуры страны аспект, что создание Евразийского союза для белорусов, прежде всего, воплощает желание возврата в СССР (несмотря на все официальные отрицания такой интерпретации).

Высокая зависимость от внешних политических акторов

Как считают респонденты, национальная политическая культура возникает, когда общность трансформируется в нацию. В результате этого процесса формируются особые структуры ресурсных обменов, распределения власти и ценностей, которые обуславливают специфический способ функционирования того или иного общества. В данном контексте участники интервью характеризуют политическую культуру Беларуси как лимитрофную – то есть такую, формирование которой происходит под сильным влиянием окружающих мощных государств:

«Вся Восточная Европа как минимум от пятой части до трети дохода, иногда даже больше, извлекает именно из практики обслуживания вот этих транзакций, торговых в первую очередь транзакций, но не только, между большими государствами, в первую очередь между большой Германией и большой Россией».

Балансирование между двумя полюсами силы (восточным и западным), с точки зрения респондентов, есть одна из ключевых особенностей политической культуры Беларуси:

«Белорусский вариант: вначале все высказываются, потом белорус старается вывести какую-то среднеарифметическую, то есть, как в этой ситуации можно было бы существовать».

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Большинство экспертов убеждено, что политические институты Беларуси не соответствуют мировым стандартам. Так, европейские ценности предполагают контроль общества над властью, а в Беларуси власть неподконтрольна: результаты голосования на выборах заранее predetermined. Этой причиной они объясняют, в частности, «**фундаментальный конфликт**» между Европейским Союзом и Беларусью:

«Еще санкции полностью не убраны, Беларусь не входит в ряд важных европейских объединений, в Совете Европы нас нет. Поэтому можно сказать, что белорусские политические институты не очень соответствуют политическим институтам Европейского Союза».

Основными отклонениями государственного устройства Беларуси от международных норм считаются: отсутствие разделения властей, «закрытость» власти (не допускающая вхождения в нее «лишних», оппозиционных элементов), отсутствие ограничений на количество переизбраний президента, незначительная вовлеченность населения в принятие политических решений, слабость независимых общественных институтов. В целом политическое устройство Беларуси квалифицируется как «фасадная демократия», в рамках которой ни реальное функционирование институтов, ни реальный ход политических процессов не соответствуют декларируемому. Особенно охотно этот тезис иллюстрируется на примере электорального процесса, целиком и полностью носящего симулятивный характер. Населению Беларуси еще до выборов известно, что Лукашенко снова станет президентом; тем не менее граждане считают своим долгом за него проголосовать.

«Главное событие Беларуси – это выборы, они обладают манипулятивным характером, то есть голоса не считаются. То есть не является реальной ситуация выборов, а является имитацией избирательного процесса».

Тем не менее формальное наличие демократических институтов и процедур, в том числе электоральных, играет важную роль: с одной стороны, оно помогает власти легитимировать политический режим в глазах внешних наблюдателей, с другой стороны – укрепить его внутреннюю стабильность.

Абсолютное большинство экспертов характеризует композицию политических институтов Беларуси как безусловное доминирование института президентства. При этом реальные возможности президента еще шире формально закрепленных за ним полномочий и поглощают компетенции всех прочих ветвей власти. Парламент, правительство, суды и силовые структуры равно подчинены политической воле президента.

«То есть в Беларуси очень сильно все вертикализировано и иерархизировано, в плане структуры власти. Где наверху находится администрация президента и близкий круг президента, а все остальное по вертикали подчиняется этой системе».

Вот что говорится о парламенте:

«Есть парламент, но он не играет самостоятельной политической роли. Он даже не иницирует законодательные акты. За последние лет восемь они иницировали самостоятельно только один закон. Это закон о защите животных».

«Здесь фактически декоративный парламент, который принимает законы, которые иницируются администрацией президента. То есть те законодательные акты, которые доводятся».

до него. Парламент практически никогда сам не инициирует никаких законов».

«Главная задача для Беларуси – это обеспечение все-таки реального функционирования разных ветвей власти. А для нас это означает усиление значительное полномочий парламента. Сейчас журналисты называют палату представителей «стерильной палатой». То есть там даже намека на оппозиционность нет».

А вот что о судах:

«Конституционный суд вообще существует как бессмысленная структура с обрезанными полномочиями, которая пытается найти себе хоть какое-то осмысленное место».

Ограниченной автономией пользуются только отдельные силовые структуры, однако их взаимодействие выстроено так, что роль верховного арбитра зарезервирована опять-таки за президентом, выстраивающим в этой сфере механизмы перекрестного контроля:

«Трения были в области спецслужб, когда они дублировали друг друга. Лукашенко провел реформы, и Комитет госбезопасности лишился очень многих функций. Эти функции были переданы в Совет безопасности Белоруссии».

Белорусский бизнес также полностью зависим – даже не от государства, а именно от президента, что говорит не столько о самом бизнесе, сколько об институциональном строении белорусской политики и о плотности контроля, осуществляемого президентским центром власти. Так, эксперты рассказывают о необходимости получения персональной положительной резолюции главы государства при продаже даже небольших государственных предприятий или осуществлении любых сколько-нибудь заметных инвестиций.

При этом ни один из экспертов не высказал ни малейшего сомнения в полной гармонии между таким порядком функционирования белорусских политических институтов и национальной политической культурой. Существующий режим *«отражает народные настроения»*. Институты могут формально соответствовать *«прописным истинам учебников»*; фактически же механизмы их функционирования определяются именно культурными факторами:

«Белорусские политические институты в большей степени соответствуют тем правилам и нормам, которые выработались в обществе в контексте исторического прошлого. Формальное разделение властей и иные атрибуты западных моделей лишь фасад».

«Существует ментальный консенсус между населением и властью. Он очень относительный, но тем не менее он существует. И не просто с властью вообще, а с олицетворяемой властью президента. Этот ментальный консенсус и есть основа нашей социальной стабильности. Мне кажется, что те политики, которые пытались во время президентских и парла-

ментских выборов критиковать власть с точки зрения того, что положение ухудшается, не понимали того, что простая критика, которая будет работать в любой другой стране мира, не работает здесь, потому что вот этот ментальный консенсус еще не нарушен».

Однако не все эксперты расценивают такую гармонию между культурой и институтами Беларуси как однозначно положительный фактор. Часть респондентов все же считает желательным переход *«от эмоциональных решений к рациональным»*:

«Надо холодно, профессионально, методично просчитывать, изучать, делать определенные шаги. Тут, мне кажется, нашей власти не хватает профессионализма и последовательности, методичной работы, чтобы сделать ветви власти независимыми друг от друга».

Впрочем, копирование какой-либо модели государственного устройства без учета особенностей белорусской политической культуры экспертами единодушно отвергается:

«Абсолютно неприемлемо полное копирование западной, не-олиберальной демократической модели, поскольку оно приведет к утрате независимости и суверенитета. Фактически речь идет не о продвижении демократии, а о продвижении удобной для нескольких западных государств, прежде всего Соединенных Штатов, модели, в которой они сами формируют кадры через систему обучения, сами de facto контролируют выборы, признавая их либо не признавая легитимными – вот это неприемлемо».

Интервьюируемые полагают, что доверием населения в Беларуси пользуются лишь три института – президентство, Церковь и армия (надо учитывать, что это именно экспертные оценки, в белорусском случае практически не основанные на объективных данных за отсутствием таковых – независимые социологические опросы в Беларуси не проводятся, почти все социологические исследования выполняются государственными институтами или проходят под контролем КГБ). Несколько неожиданно, что доверие к армии практически не подвержено флуктуациям, в то время как доверие к президентству (и президенту) колеблется в широких пределах. Традиционно оно существенно возрастает перед выборами (в результате усиления социальной политики и учащающихся выступлений президента Лукашенко на телевидении, куда закрыт доступ для представителей оппозиции). Но и в этом случае доверие иррационально:

«Я голосую за него потому, что больше не за кого». Такая традиционно иррациональная форма поведения и политического сознания определяет поведение белорусов. То есть они готовы ходить на выборы, несмотря на то что выборы ничего в этой стране не решают. Иррационализм поведения свойствен белорусам».

«Кто-то любит Лукашенко, кто-то не любит, но у него существует нуклеарный электорат, который постоянно за него голосует, и для значительной части населения президент Лукашенко олицетворяет образ почти идеального правителя».

Впрочем, на сегодняшний день большинство респондентов оценивает количество доверяющих президенту Беларуси в диапазоне от 27 до 40%. Столь низкий – по сравнению с последним предвыборным периодом и вообще со сложившимися стереотипами – процент объясняется кризисом в экономике страны и неспособностью властей купировать его последствия. Еще одна причина снижения уровня доверия к президенту Лукашенко – «фактор Путина»:

«Даже сейчас образ Путина как сильного человека, как сильной личности уже затмевает Лукашенко. Недавние социологические опросы показали, что Путин в глазах большинства белорусов более популярен, чем Лукашенко. Тяготение общества к сильной личности... оно, на сегодняшний день, пока что непреодолимо. И связано это с патриархизмом».

Что касается других политических институтов, таких как парламент и прочих представительных органов, то уровень доверия населения к ним стабильно низок. По мнению респондентов, общество Беларуси не признает их, так как их самостоятельность и эффективность находятся под большим сомнением:

«Уровень доверия к ним минимальный. Потому что население прекрасно знает, что местная власть ничего не решает. Поэтому в последние годы очевидным стало минимальное участие граждан в парламентских и местных выборах».

«Существует такой разрыв – добрый, благородный президент, благородный правитель и «худые» чиновники. Это тоже характерно для белорусской ситуации, особенно на уровне местных властей».

«Проблема в том, что на местах доверие к власти достаточно низкое. И притом парадокс – там, где власть, казалось бы, ближе к населению, она почему-то находится «дальше» от населения. Власть должна проводить в жизнь некие инновации, некие реформы, а эти реформы объективно воспринимаются населением как чужеродные по отношению к ним».

ТИПИЧНЫЕ, ОДОБРЯЕМЫЕ И ОСУЖДАЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

В оценке эффективности практического функционирования политических институтов мнения респондентов разделились – видимо, потому, что само понятие эффективности трактуется ими по-разному. Часть экспертов считает критерием эффективности самосохранение существующего режима – и оценивает ее как высокую. Другая часть рассматривает эффективность политических институтов с точки зрения их вклада в развитие страны – и оценивает ее довольно низко. Так, в качестве показателя эффективности может указываться осуществляемый президентом полный контроль за исполнением его решений и поручений:

«Он добивается этого, с одной стороны, тем, что дает элите привилегии, с другой стороны – тем, что жестоко карает всяческих отступников. Есть показательные суды над коррупционе-

рами. То есть вертикаль безропотно выполняет его распоряжения».

Также в числе показателей эффективности политических институтов эксперты называют низкий уровень коррупции и ограниченную роль олигархии, в основном зависимой от президента. В случае «автономизации» крупного бизнеса или нарушения им «правил игры» следуют санкции со стороны руководства страны, вплоть до показательных судебных процессов. Об эффективности политических институтов свидетельствует также то, что они:

«Позволяют поддерживать социальный контракт между государством и обществом, то есть не допускать обнищания, балансировать между Западом и Востоком и получать соответствующие дивиденды».

Белорусские политические институты, в особенности силовые структуры, вполне в состоянии отражать внешние и внутренние угрозы, которые могли бы дестабилизировать политическую систему.

«Все годы независимости Беларусь сталкивается с тем, что извне идет поддержка разным политическим группам, которые хотели бы изменить существующий политический строй. И раз страна сумела выдержать все эти угрозы, значит, ее политические институты эффективны».

«В 2010 г., когда была самая массовая площадь, аналог майдана в день президентских выборов, как потом хвалился Лукашенко, силовики разогнали площадь за семь с половиной минут».

Однако белорусские политические институты, успешно поддерживая status quo, не могут решать задачи национального развития. Среди причин такого положения называются «отсутствие плюрализма во властных структурах», «несменяемость кадров», «кадровый отбор на основе личных предпочтений», «закрытость политической системы»:

«Силовикам в этой системе работать легче, чем в системе открытой, системе конкурентов, когда каждый шаг контролируется активным обществом»

Результаты же – с точки зрения той части экспертов, которая понимает эффективность институтов в подобном ключе – таковы:

«Очевиден содержательный кризис государственных институтов, потому что они не способны формулировать адекватные ответы на те проблемы, с которыми сегодня сталкивается Беларусь. Особенно это видно по части решения социально-экономических вопросов. То есть очевидна исчерпанность той социально-экономической модели, которая существовала последние 20 лет»

«Мы идем в тупик, потому что среди белорусского руководства пока господствует какая-то иррациональная надежда пересидеть кризис без реформ. Вот в этом плане модель Лукашенко дала колоссальный сбой и, по сути, из-за этого сегодня

Беларусь идет путем деградации».

«Беларусь находится в затяжном экономическом кризисе при отсутствии ясных долгосрочных стратегических решений. Очевидно, что последние 5-7 лет белорусские власти и публичные институты не выполняют своих функций».

Процесс принятия политических решений в Беларуси почти всеми опрошенными описывается термином «единоначалие», казалось бы, включающим элемент коллегиальности. Вместе с тем одной из особенностей «единоначалия» по-белорусски является существование некоей специфической «коллегии» – ближайших соратников президента, высшего круга политических менеджеров:

«В принципе коллегиальность есть в том смысле, в котором это слово создано, от слова «коллегия», то есть высший уровень управления ведомством».

«На высоком политическом уровне, уровне управления – это коллегиальность от президента до уровня губернатора облисполкома. Все, что ниже, – жесткая вертикаль власти».

В этом круге время от времени происходят дискуссии, формулируются различные позиции, но окончательное решение принимает президент:

«Это не значит, что президент не прибегает к консультациям и рекомендациям со стороны других институтов. Совет безопасности на сегодняшний день является высшим коллегиальным органом, это значит, что он готовит обоснования определенных решений, но в любом случае последнее слово всегда остается за президентом».

Коррупционность политических институтов Беларуси характеризуется респондентами неоднозначно. С одной стороны, коррупция на низовом уровне, там, где население непосредственно взаимодействует с властью, практически отсутствует. Для подтверждения этой точки зрения эксперты ссылаются на международные рейтинги и индексы коррупции, такие как Transparency International. Причем часть экспертов оценивает уровень коррупции в Беларуси еще ниже:

«В Белоруссии мало бытовой коррупции, меньше, чем в Украине, меньше, чем в России, здесь реже дают взятки врачам, гаишникам, сотрудникам военкоматов».

Многочисленные показательные судебные процессы над чиновниками продемонстрировали свою эффективность, в связи с чем госслужащие практически исключили для себя возможность получения взятки. Впрочем, борьба с коррупцией носит не секторальный, а всеобщий характер, затрагивая отнюдь не только бюрократов:

«Мы видим, что каждый год в тюрьмы отправляются тысячи. Еще раз подчеркну – тысячи руководителей компаний и предприятий, которых уличили во взятке».

С другой стороны, участники интервью говорят о такой непрозрачности отношений между бизнесом и высшими эшелонами власти, что объемы «верхушечной» коррупции практически не поддаются измерению. Тема борьбы с коррупцией также влияет на формирование в сознании населения позитивного образа президента – по контрасту с негативными образами коррумпированных чиновников и бизнесменов:

«Еще один очень важный фактор, это то, что царь хороший, а бояре плохие. Это характерно для всего нашего пространства. И вот эту схему он также показывает. Что есть люди, которые мешают ему работать. Вот он их регулярно сажает».

Абсолютное большинство экспертов убеждено, что Беларусь находится в сильной зависимости от внешних стейкхолдеров в том, что касается экономики и международных связей, причем от нее не свободен и сам президент. Наиболее влиятельной внешней силой респонденты считают Российскую Федерацию. Основу этого влияния составляет экономическая зависимость, а также вхождение Беларуси в различные пророссийские международные организации, в частности, в ЕАЭС. Экономика Беларуси значительно зависит от цен на импортируемые продукты нефтехимии и нефтепереработки, а также от возможностей экспорта. Практически все опрошенные сходятся во мнении, что российские энергопоставки и кредиты для Беларуси критически важны:

«Достаточно очевидная вещь, что белорусская экономика не сможет существовать без российских косвенных и прямых дотаций».

Кроме того, зависимость от России детерминирована культурной близостью:

«Культурное влияние безусловно, потому что по телевизору белорусы смотрят все российские сериалы и концерты, информационные новости. В Белоруссию ездят российские поп-звезды».

Военно-стратегическая сфера также характеризуется как в высокой степени зависящая от России:

«Самая проблемная сфера, где независимости Белоруссии практически не существует – это военно-стратегическая. За счет различных договоров, которые существуют между Россией и Белоруссией, совместных группировок войск ПВО и прочих вещей, специальных объектов, которые находятся в Белоруссии, специальных договоров».

В последние годы Беларусь демонстрирует некоторую тенденцию к военно-стратегической автономизации (ведутся разработки и производство собственных систем вооружений, принята новая военная доктрина). Тем не менее эта тенденция находится в зачаточном состоянии:

«По факту, система самостоятельного плавания малобизнесна, потому что более 200 лет Беларусь была одним

государством с Россией, и за последние 20 лет было мало структурных усилий для того, чтобы от этой зависимости избавиться».

В то же время Беларусь лавирует между различными международными акторами. Это объясняется тем, что почти половина экспорта Беларуси направляется в ЕС, а другая половина приходится на Россию. Соответственно, Беларусь выстраивает отношения с внешними стейкхолдерами, преследуя цель максимизации собственной выгоды и сохранения диверсифицированности ее источников:

«Министерство иностранных дел Беларуси работает очень активно на разных направлениях, и мы поддерживаем тесные связи и с НАТО, входим в систему «Партнерство ради мира». Там даже выделен контингент под операции миротворческие под эгидой НАТО. Несмотря на наше участие в ОДКБ. Но тем не менее декларируется на высшем уровне, что Беларусь верна своему союзническому долгу и, соответственно, те обязательства, которые взяты в рамках ОДКБ, будут выполняться».

Кроме того, отмечается зависимость оппозиционных сил Беларуси от западных акторов – оппоненты власти ориентируются в основном на Европу. Однако в последнее время проевропейские идеалы и воззрения перестали находить отклик у населения Беларуси – в силу опасений возможной дестабилизации.

Наличие в Беларуси сколько-нибудь заметных внутренних стейкхолдеров респондентами отрицается.

Неоднозначно оценивается экспертами открытость политических институтов Беларуси. Если принимать во внимание только деятельность главы государства, то власть представляется более чем публичной и открытой. Но об открытости политических институтов в целом говорить нельзя. Особые нарекания в этом плане вызывает процесс избрания в парламент Беларуси:

«Например, в парламент попасть практически невозможно, если ты не в списке, утвержденном на самом высоком уровне. То есть всегда перед выборами есть список, утверждается состав этого списка, тщательно выверяется, и нелояльные участники туда просто попасть не могут».

Кроме того, для любой работы в органах власти необходимо быть лояльным ей. Среди государственных служащих не должно быть инакомыслия, тем более высказываемого публично или в СМИ:

«Если это госчиновник или депутат парламента, то за ним очень четко все следят, и попасть в органы власти оппозиционно настроенному человеку, не представляющему системную оппозицию, а являющемуся нелояльным к существующему строю, практически невозможно».

СМИ полностью подконтрольны власти, в них исключена возможность выражения альтернативной точки зрения. Относительной свободой пользуется только белорусский сегмент интернета.

Некоторые эксперты говорят даже о наблюдающемся в Беларуси кризисе публичной сферы, который выражается в равнодушно-скептическом отношении граждан к власти. При возникновении любых сложных ситуаций население рассчитывает в большей степени на межличностные связи и отношения с коллегами и друзьями, чем на органы центральной и местной власти, СМИ или общественные организации.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ И НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ

По мнению опрошенных, участие белорусов в политической жизни находится на низком уровне. Причиной этого они считают авторитарность действующего режима Беларуси и закрытость политических процессов. Также респонденты отметили дефицит механизмов артикуляции и агрегирования общественных интересов – начиная с отсутствия независимых социологических компаний. Государственные социологические службы сконцентрированы исключительно на выявлении реакции граждан на политические решения руководства страны:

«В этом году подняли тарифы ЖКХ, увидели отношение населения каким-то образом, и через месяц вернули тарифы обратно, такое бывает. Власть пытается улавливать резкие всплески общественного недовольства».

«Если есть общественное негодование или мнение относительно того или иного явления, оно выражается через количество публикаций в интернете, лайков, перепостов. Количество людей, которые возмущаются, – это считается социологией. Белорусские власти через такую обратную связь реагируют, достаточно активно реагируют и слушают, принимают во внимание».

В интервью встречается мнение, согласно которому отказ от участия является элементом белорусского «социального контракта» – население передало полноту политической власти в руки главы государства в обмен на определенные социальные блага:

«В отношении «белорусского контракта» справедливым будет то описание, что население согласилось с тем, что политическая сфера будет монополией государства, но не просто так, а в обмен на достаточно высокий социальный стандарт».

Подобное взаимодействие власти и населения построено, по мнению этого эксперта, на интуитивном ощущении обратной связи. Иными словами, есть смысл говорить об опосредованном участии населения в политике – но лишь путем выбора лидера и делегирования ему всей ответственности за политическую сферу. Однако об этой ответственности лидеру принято напоминать:

«С точки зрения форм прямой демократии – степень вовлеченности белорусов достаточно высокая. То есть белорусы привыкли жаловаться и писать обращения, активно комментировать те или иные события».

Правда, эти напоминания касаются не самой политической власти, а тех социальных проблем, за решение которых она ответственна:

«Периодически мы наблюдаем конфликты общества и власти, связанные с вырубкой какого-нибудь сада, со строительством дома и так далее. Когда население, которое проживает на этом месте, выступает против, это не связано с политическими решениями, это связано с социальными решениями, а здесь иногда граждане могут каким-то образом повлиять на государственные решения. Что касается политических решений, к сожалению, минимальная степень воздействия».

Соответственно, степень вовлеченности в политическое участие прямо коррелирует с наличием у индивидов какого-либо независимого социального капитала:

«Среди тех, кто пассивно участвует в политической жизни, люди с низким уровнем образования, люди пожилого возраста, проживающие в сельской местности и малых городах. Те, кто в современных условиях не может выстраивать личные стратегии жизни, им нужна власть, которая будет их поддерживать, власть как костыль, и они за нее голосуют. Молодым и активным этот тип власти мешает реализоваться, у них еще есть ресурсы».

Однако опасения за сохранность социального капитала все равно подталкивают и эти слои к выбору в качестве наиболее рациональной стратегии сотрудничество с властью или просто пассивность:

«Многие скопили капитал за период 2000–2010-х гг. и не хотят терять приобретённое».

«Издержки от участия в политике, несмотря на то, что она по-прежнему остается закрытой сферой, будут ниже, чем издержки от неучастия. Вот когда станет настолько нечего есть, что уже не будет страшно выходить на площадь, уже будет нечего терять... Пока мы не в той ситуации».

Столь же рационально и другое соображение:

«Всем понятно, что оппозиционные силы к власти прийти не могут. Во-первых, потому, что у них недостаточно финансирования. Во-вторых, им выделяется два раза по полчаса времени для выступления, а этого явно недостаточно. И граждане понимают, что за ними фактически ничего не стоит».

Что касается соотношения долей оппозиционно, лояльно и индифферентно настроенных граждан, то, согласно мнению экспертов, распределение населения Беларуси по этим трем дивизионам не колеблется на протяжении уже как минимум десятилетия. 20-25% граждан страны придерживается оппозиционных взглядов. 40-50% граждан можно отнести к доле индифферентных, за которую пытаются бороться оппоненты власти. Однако на практике, по причине отсутствия достойной альтернативы, большинство неопределившихся все равно склоняется к поддержке президента Лукашенко и его режима:

«Когда приходит момент выборов, даже несмотря на такой

уровень низкий доверия и поддержки президента, люди приходят и задают себе вопрос: «А кто, если не он?», и его рейтинг подрастает именно на этом вопросе осознания отсутствия альтернатив».

Ядром поддержки президента Лукашенко является примерно треть населения. Электорат, лояльный действующему режиму, по оценкам опрошенных, состоит в основном из пенсионеров и бюджетников. Кроме того, отмечается, что и в условиях отсутствия электоральных фальсификаций (в самом факте которых, похоже, никто не сомневается) победа Лукашенко на любых выборах была бы гарантирована – так как оппозиционные взгляды разделяет меньшинство населения, а нынешняя оппозиция не способна завоевать доверие неопределившегося, индифферентного электората. К тому же позиции оппонентов власти ухудшились в контексте украинского кризиса, так как население увидело в белорусских оппозиционерах потенциальных лидеров местного «майдана»:

«Оппозиция маргинализована, оппозиция разобщена, и популярного альтернативного лидера нет. Рейтинги самого крупного оппозиционного политика не превышают 5-6%. Поэтому у нас залог стабильности – это отсутствие популярных альтернатив».

Дополнительно снижает потенциал оппозиции разочарование в Западе вообще и Европе в частности (традиционно выступавших для этой группы в качестве главных ценностных ориентиров и эталонов):

«Если брать активную проевропейскую позицию, именно проевропейскую, то по ней был нанесен тяжелый удар украинской реальностью и европейской политикой, потому что никто не ожидал, что Европа финансово никоим образом не станет поддерживать проевропейский, проамериканский режим на Украине. Оно в Белоруссии было воспринято как достаточно высокий цинизм, учитывая то, что Восточная Европа всегда очень внимательно следит за движением ресурсов, в этом особенность восточноевропейской культуры».

Интересно, однако, что отдельные эксперты считают возможным – при некоторых специальных условиях – стремительное пополнение оппозиционного дивизиона за счет представителей государственной бюрократии и даже политической элиты:

«Среди чиновников и среди высшей номенклатуры я вижу, что есть те люди, которые не разделяют проводимую в стране политику. Это люди в том числе на высших государственных постах. И я не исключаю, что в момент кризиса, политического кризиса в стране эти люди диаметрально изменят свою поддержку действующей власти. И, естественно, они будут причастны к переменам и к смене режима».

ФОКУС-ГРУППЫ: КОНТРОЛЬ АДЕКВАТНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

Характеризуя собственный интерес к политике, участники белорусских фокус-групп разделились примерно пополам:

«Вы знаете, я даже стараюсь не читать новости, но куда от них денешься, мне приходится интересоваться политикой, хотя честно говоря, то, что происходит, оно не понимается в стране».

«Я интересуюсь политикой, от этого никуда не денешься, нужно знать в каком мире живешь, не только стране, но и мире. Друзья – в меньшей степени. Если о работе нельзя говорить, можно и о политике порассуждать, но все слова остаются словами».

Интерес граждан Беларуси к политике в целом характеризуется респондентами двусмысленно и противоречиво. С одной стороны, он приписывается не более чем 5% населения:

«Я считаю, что к тем категориям людей, которые интересуются политикой, можно отнести руководителей крупных корпораций, международных предприятий, чей бизнес завязан на отношениях с государственными органами и зарубежными партнерами. Импортёры, поставщики услуг, люди, которые занимаются научной деятельностью – политологи, экономисты. Ну и непосредственно сами политики».

С другой стороны, латентный, не демонстрируемый публично интерес к политике гораздо более распространен:

«Люди говорят, что не интересуются, а на кухне только заведи разговор... Это вообще не принято разговаривать о политике на праздниках или где-то еще, но уже не остановить никого».

«Даже моя мама, которой 75 лет, она говорит, что политикой не интересуется, но если начать разговор, то это на полтора часа, она знает все».

Однако активизируется этот интерес только в связи с теми или иными властными решениями, непосредственно касающимися насущных забот:

«В основном обсуждают то, что задело, – цены резко повысились, налоговая нагрузка изменилась. Другие темы затрагиваются редко».

«Например, ограничение на зарубежные, международные посылки. Если посылка больше 22 евро, то надо платить налог 6 евро. Все это меня коснулось, и я уже могу даже подписать манифест против этого закона, то есть, участвую в том, что коснулось реально меня».

«Идеальная власть по-белорусски» описывалась предельно общо:

«...это та, которая максимально эффективно реализует потребности общества. Для меня лучшая власть, которая дума-

ет не о своих интересах, а о насущных проблемах».

Наилучшей формой правления для Беларуси большинство респондентов считает парламентскую республику, объясняя это предпочтение вполне рационально:

«Мне импонирует больше парламентская форма правления, потому что законодательная и исполнительная власть имеют различные полномочия и не могут их друг другу делегировать».

«Мы могли бы предлагать разные мнения и выбирать лучшее, вот это самый лучший момент для нас».

«Сложно подкупить большое число парламентариев».

Однако предпосылок к установлению парламентской республики участники фокус-групп не видят, указывая на *«особенности ментальности»*, то есть на фактор культуры – так, как будто бы их собственные взгляды не имели ничего общего со взглядами основной массы граждан (между тем, напомним, фокус-группы формировались с обеспечением максимально возможной репрезентативности). Так или иначе, существующий режим не кажется респондентам оптимальным. С одной стороны, он все еще исполняет свою миссию защиты белорусского общества от всяческих рисков, прежде всего от угрозы войны (какой и с кем – не поясняется):

«Белорусы уже привыкли и им больше ничего не надо. Они сидят и говорят: «Абы не было войны», вот все, что нам надо. И на самом деле это так. Все знают, что будет, что президент не сменится в ближайшее время, и все так же останется, поэтому они и говорят: «Абы не было войны», а дальше как пойдет».

С другой стороны, риски (в том числе риск войны) все равно нарастают и даже усугубляются несменяемостью власти:

«Если бы Лукашенко был не больше двух сроков, все было бы класс, он делает все правильно, сохраняет Республику Беларусь. Но он много раз переизбирался, а опыт показывает, что там, где долго был один правитель, случается гражданская война, когда он уходит. Примеры в мире есть – Югославия, Болгария, Румыния, жди и у нас. Угнетает, что будет потом».

Представления участников фокус-групп об общем дизайне действующей политической системы мало отличаются от экспертных оценок – прежде всего в плане констатации сугубого персоналистского моноцентризма белорусской политики.

«Лукашенко у нас занимается политикой, некоторые оппозиционные деятели пытаются заниматься политикой. Всех остальных можно вычеркнуть и выкинуть, включая нашу палату представителей».

«Есть человек, который диктует, и есть у него команда, которая помогает диктовать, все остальные подчиняются. Даже если взять министра культуры, который вступил в должность в прошлом году, он поначалу на белорусском рассказывал о новых реформах. Сейчас у него речь, как у зомби, я даже не могу смысл уловить. Они теряют свое мнение, свою личность».

Поэтому большинство граждан Беларуси не осведомлено даже о составе кабинета министров, не говоря уже о других институтах:

«Вертикаль власти в Беларуси поставлена так, что у нас на первом месте идет президент, а те, что за ним, они больше исполнители, они постоянно в тени одного политика находятся, других политиков как бы нету».

Групповые оценки политического участия граждан Беларуси также в целом совпадают с экспертными. Отмечается общая аполитичность и пассивность населения, за вычетом участия в выборах, явка на которые обычно составляет около 70%. Тех, кто ходит на выборы, можно разделить на две группы: голосующие по принуждению и голосующие добровольно. Первые – это те, *«кого заставили на работе – госслужащие, учителя, все, кто работает на государство»*. И их довольно много:

«Практически все ходят на выборы, а ходят почему, потому что у нас нет частной предпринимательской деятельности, у нас все практически работают на государство. Если не работаешь, ты платишь налог, поэтому люди работают на государство. Поэтому в вузах так, это точно, и на все работах людей заставляют, не очень много кто об этом говорит, меня лично заставляют».

Вторые – это те, кто *«привыкли, что надо ходить»*.

«Ходят и добровольно, но по накатанной, люди уже привыкли к этому, по жизни, допустим, надо идти, деньги вложены, и я пойду, чтобы потом не было повторных выборов. Они думают о том, что они думают государственно, они поднимают себе этим самооценку».

Впрочем, низовые выборы, *«в деревнях и колхозах»*, способны вызывать и реальную, не мобилизованную политическую активность:

«Если это из местных властей, я это объясняю тем, что там ближе к народу, там людей поменьше живет и лучше знают, когда тот или иной человек баллотируется. Они уже как минимум пару раз видели и слышали его. Проявляешь интерес, когда голосуешь за живого человека, а не за фотографию».

Те же выборы, где живой контакт с кандидатом не предполагается, вызывают отторжение:

«На самом деле, если бы я увидел кандидата, я бы сходил, у меня это времени много не занимает. А так как кандидатов нету, то и смысла голосовать нет».

«Я подходил к этим стендам, изучал кандидатов, откуда они

родом, изучал о них информацию, кроме обещаний, потому обещания у всех одни и те же, запоминал лица в надежде на то, что я хотя бы одно лицо встречу на улице, переводящим бабушку через дорогу. Если бы я встретил, заметил бы это лицо – сразу бы сходу пошел бы проголосовал бы за него досрочно. Но нет, увы».

Что же касается неэлекторальных форм политического участия, то они рассматриваются как заведомо бесперспективные и тех, кто их практикует, – а потому считаются неконвенциональными:

«Они примерно знают эти реалии, им не стоит так просто воздух колыхать. В 2010 г. сходили к Дому правительства, получили отпор, и сидят сейчас думают, а что дальше».

«Честно говоря, это все довольно просто пресекается. Например, если ты студент белорусского вуза и решил сходить на митинг, так ты еще за месяц до того, как сходил, был отчислен из университета».

КЫРГЫЗСТАН:

«СОЙДЕТ»

КЫРГЫЗСТАН: «СОЙДЁТ...»

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Политическая культура Кыргызстана уникальна, в том числе в рамках и по меркам «азиатского типа политической культуры», как иногда выражались опрашиваемые, – в этом не сомневается ни один эксперт. Кыргызстанская уникальность обусловлена столь же единодушно отмечаемым влиянием трех *«исторических парадигм»*: клановости, трайбализма, номадизма. Именно исторический опыт существования кыргызского народа в форме колеблющегося альянса родоплеменных кочевых сообществ во многом определяет современное состояние политической культуры в стране, считают респонденты. Во-первых, в Кыргызстане идет постоянная борьба за власть и влияние между двумя основными регионами – Севером и Югом. На нижележащем уровне также присутствует культурная, бытовая, культовая и общественно-политическая племенная раздробленность, которая в значительной мере определяет сегодняшние процессы формирования и функционирования политической элиты. Во-вторых, история Республики Кыргызстан как государства и нации начинается только во времена СССР – причем формирование нации (на советский манер) не сопровождалось становлением национального государства. В-третьих, культурный код кыргызской нации формируется под влиянием кочевого исторического прошлого, *«вольной ментальности»* народа, что, по мнению респондентов, определяющим образом детерминирует современные особенности кыргызской политической культуры. Они таковы:

Неприятие единоличной власти

Политическая культура Кыргызстана – и элитная, и массовая – содержит ярко выраженные плюралистические установки, причем прямо политически релевантные:

«Никогда кыргызами один хан не правил!»

К тому же резко негативно – видимо, ввиду персональной слабости первого президента республики Акаева (респонденты дружно отмечают эту слабость, несмотря на то, что Акаев продержался во главе Кыргызста-

на 15 лет, с 1990 по 2005 г.) – был воспринят первый опыт построения президентской республики. В общих для почти всего постсоветского пространства условиях формирования новых институтов власти путем копирования элементов западной демократии традиционная для Кыргызстана «антивластная» окраска политической культуры дополнительно усугубилась, обеспечив общую слабость президентства и весомую роль парламента. Впрочем, уровень доверия к последнему также невысок, а желание граждан самостоятельно влиять на выбор политического курса («масштабная, даже излишняя политизация») глубоко укоренено в массовом сознании.

Обостренное чувство справедливости

В обществе сформирован высокий спрос на социальную справедливость. Он обусловлен такими факторами, как коррумпированность судов, низкое качество элит, практика покупки мест в парламенте и постов в других органах власти, открытость информационного поля, практически неограниченная свободы слова:

«Во главе этого общества всегда были люди, которые хоть в какой-то мере олицетворяли интересы народа. Сегодня этого не происходит».

Отождествление элитами власти и корысти

По мнению респондентов, подавляющее большинство политиков стремится исключительно к личному обогащению, видя в нем единственную цель политической деятельности и единственный смысл претензий на политическое лидерство. Ярким подтверждением тому, эксперты считают две революции, произошедшие в Кыргызстане в 2005 и 2010 гг. Среди их причин эксперты называют «попытки сконцентрировать всю власть в своих руках» и монополизировать доступ к ресурсной базе, предпринятые свергнутыми президентами Акаевым и Бакиевым и их ближайшим окружением. Слабость института президентства объясняется, таким образом, еще и тем, что «не состоялись сами президенты», пошедшие против конкурентной и плюралистической политической культуры своей страны. Сегодняшняя ситуация более стабильна, поскольку действующий президент Атамбаев в меньшей степени использует ресурс власти в интересах «ближнего круга», по крайней мере не настолько открыто и широко, как это делали его предшественники. Однако теперь парламент не становится центром консолидации оппозиционных настроений прежде всего потому, что «депутаты Кыргызстана представляют прежде всего самих себя», «воспринимают власть как возможность для обогащения своей семьи» – и без особых помех пользуются этой возможностью. Таким образом, сама по себе установка на отождествление власти и корысти никуда не делась – просто расширился круг тех элитных групп, которые имеют возможность ее беспрепятственно удовлетворять.

Массовое недовольство качеством элит

По мнению экспертов (то есть, что любопытно, представителей самих же элит), массы крайне низко – и совершенно верно – оценивают компетентность и эффективность правящего слоя в целом. Его действия непродуманны и непредсказуемы, а реальная ответственность за допущенные ошибки не наступает. Правящая элита не заинтересована в развитии общества, при этом профессионализм кадров снижается из года в год, и никакие смены власти, в том числе революционные, эту тенденцию не остановили и тем более не обратили вспять.

«Все, что касается внутривнутриполитических и внешнеполитических решений, не проработано, не изучено, политически набум сделано».

У каждой новой власти все равно нет собственных образованных, сведущих в вопросах государственного управления кадров, а значит, ей приходится пользоваться остатками кадров предыдущего режима. Подготовкой же кадров на перспективу никто не занимается, напротив, заметен осознанный отказ от рекрутирования в ряды политической и административной элиты людей инициативных, думающих и умеющих управлять – как потенциальных конкурентов. Вместо того набираются *«отряды людей, обслуживающих интересы конкретных лидеров»* – естественно, не по заслугам или профессиональным качествам, а в силу родственных и клановых связей. Соответственно, деятельность таких политических элит заключается, по всеобщему убеждению, преимущественно в политическом торге и конвертации его результатов в материальные выгоды.

«Гибридность»

Наконец, по мнению многих респондентов, единой политической культуры Кыргызстана вообще не существует – она представляет собой результат наслоения нескольких политических культур. Республика Кыргызстан – новое, молодое государство, производное от относительно недавно распавшегося СССР. Поэтому, во-первых, власть в стране до сих пор представлена в значительной степени выходцами из партийно-комсомольских кругов – соответственно, все еще воспроизводится номенклатурный тип мышления, в современных реалиях контрпродуктивный. Во-вторых, тесное сотрудничество с Западом и влияние демократических изменений придало Кыргызстану форму парламентской республики, каковой он по сути не является. В-третьих, практически все респонденты отмечают тенденцию к архаизации политической культуры: сегодня Кыргызстан вошел *«в коридор прошлого, феодального быта, родоплеменных отношений»*. Так что:

«Мы не можем существующее положение вещей запихнуть уже в какие-то формы устоявшиеся».

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Ответы на вопрос о степени соответствия кыргызстанских политических институтов современным мировым стандартам делятся на две основные группы. С одной стороны, Кыргызстан представляет собой полноправный субъект международного права:

«В этом смысле мы, конечно, приняли на себя очень многие обязательства по международным нормам и соглашениям, и наши госорганы, политические институты выполняют их неплохо».

С другой стороны, фактическая деятельность этих институтов далека от норм, закрепленных de jure:

«Симбиоз формально западных, продекларированных, но реально абсолютно азиатских норм, институтов и ценностей».

Конституция страны мало отличается от конституций европейских стран, однако многие подзаконные акты и конкретные политические решения элит нивелируют и девальвируют конституционные установления:

«Там есть президент – и у нас есть президент, там есть парламент – и у нас есть парламент».

«Разговор о том, что Кыргызстан, кыргызы ближе к демократии, это попытка выдать желаемое за действительное».

«Например, кыргызское население доминирующее, а по конституции запрещена дискриминация по признаку принадлежности к нации»

«Запад продолжает финансировать работу над проектами политических реформ. Практически все, что делается, реформа судебной власти и все остальное, делается за счет донорских средств. И западные страны, наши доноры, они тоже понимают, что хотели, как лучше, но получается, как всегда»

Так, упомянутая судебная реформа оказалась несостоятельной: реальное поведение судей до сих пор совершенно не соответствует так называемым «бангалорским принципам» (сформулированы в конвенции, принятой под эгидой ООН в 2002 г.), хотя именно имплементация этих принципов провозглашалась главной целью преобразований в судебной сфере.

Помимо «западных» стандартов, референтным для Кыргызстана считается и российский опыт институционального строительства, в том числе достаточно давний:

«Сегодня неоклассический, я думаю, парламент должен быть ограничен от хасбулатовской формы парламентаризма. Президент, глава государства – он же должен быть главой исполнительной власти»

Но и в том, что касается отношений с Россией, качество кыргызстанских институтов и их неспособность к сущностной модернизации препятствуют поступательному продвижению: несмотря на вхождение Кыргызстана в Таможенный союз, предусмотренные им регулятивные механизмы не

используются, принятые нормативные акты не исполняются. Некоторые эксперты убеждены, что Республика Кыргызстан в принципе не может и не должна соответствовать никаким международным стандартам.

«Кыргызчылык» – это тоже была политика. Почему стало «кыргызчылык»? Значит, кыргызы так поступают! А если так поступают, это уже из обычаев и традиций перешло в политику! Значит, сама политика ведется по-кыргызски».

Примечание: «Кыргызчылык» – популярный политический лозунг, подразумевающий в качестве первого и универсального критерия оценки любых реалий их соответствие нормам старого кыргызского быта.

Впрочем, отдельные респонденты делают исключение для городов: городское население, с их точки зрения, все же стремится жить по законам и конституции. Но все остальные живут *«по своим понятиям»*.

Столь же противоречивы и ответы на вопрос о соответствии конституционного и институционального дизайна современного Кыргызстана национальной политической культуре. Определенная преемственность современной парламентской системы и отсутствия единоначалия по отношению к историческому наследию *«кочевой демократии»* (так в Кыргызстане принято именовать его догосударственное прошлое) экспертами признается:

«Социальный и политический заказ все-таки заключается в том, чтобы власть не сосредотачивалась в руках одного человека»

На прямой вопрос большинство опрошенных отвечает, что ни структура, ни практики функционирования политических институтов в стране не соответствуют ее политической культуре. Однако этот разрыв любопытным образом не считается источником серьезных рисков:

«У нас, у кыргызов, есть принцип «сойдет» («болоберет»). Это национальный принцип, он работает на всех уровнях».

Таким образом, все же есть основания полагать, что нынешнее состояние политических институтов Кыргызстана по крайней мере не вступает в прямое противоречие с его политической культурой (в отличие от экспериментов по выстраиванию президентского моноцентризма). Оно не идеально ей соответствует (да и трудно вообразить, что бы могло ей соответствовать идеально). Но оно *«болоберет»*. Оно *«сойдет»*.

Сколько-нибудь внятную модель взаимоотношения институтов власти Кыргызстана из экспертных представлений реконструировать не удалось. Тем не менее можно предположить, что властные институты скорее склонны к конфронтации, чем к сотрудничеству. Отдельные элементы партнерства присутствуют – они заданы коалиционным характером власти, сложившимся еще во время революционных событий 2010 г.:

«Правительство по новой конституции – это продолжение парламента. И этим же возлагается ответственность. То

есть парламент уже несет ответственность за правительство».

Однако на деле партнерские формы взаимоотношений, вроде бы подразумевающие равенство, открытость и «игру по правилам», представляют собой «просто сговор». Правительство не получает правовой, административной поддержки для реализации своей программы:

«У правительства есть программа, есть население, у которого каждодневные нужды. А они ходят, удовлетворяют депутатов, которые относятся к исполнительной власти как к «мальчику для битья»».

Центральным институтом, безусловно, является президентство:

«Все-таки тяготеем к президенту, пусть он там разрешит. Все-таки тяготение, внутреннее, восточное, оно есть к президентской форме правления».

«Единственное место, где действительно принимаются решения – это администрация президента».

Заметную роль играет и президентское окружение:

«Речь не столько о формальных постах, а именно о личных отношениях президента».

Однако многие эксперты убеждены, что президент – фигура в основном представительская, не имеющая особой поддержки и уважения ни среди населения, ни среди элит. Скорее всего, тут отразилась общая непрозрачность процесса принятия политических решений, в том числе для самих же элит. Но не только она – господствует мнение, что институциональная роль президента продолжит снижаться:

«Изменения конституции, которые так или иначе грядут, будут касаться того, что будет переход все-таки к парламентской системе».

Ранее в стране предпринимались различные попытки сконструировать устойчивую модель взаимодействия политических институтов:

«Партнерство политических партий было, и конфронтация была, мы видели все это наглядно, было и доминирование одного института».

Однако ни одна из них не оказалась ни эффективной, ни стабильной. За последние 24 года пост премьер-министра занимали 28 человек («Мы делали один шаг вперед, два шага назад»). Респонденты отмечают, что и сейчас партнерства как такового в стране быть не может, так как исчезла независимость исполнительной власти, и даже судебная власть подконтрольна парламенту:

«Когда становится нормой, что одни институты захватывают чужие полномочия у других институтов, говорить о партнерстве не приходится».

Особенно напряженными являются отношения между центральными и местными органами власти:

«Случается, что государственные органы начинают докучать над местной властью, такие различные случаи вмешательства».

«Вот недавно убрали «смотрящего» за Югом. Потому, что он, по существу, контролировал, и не давал центральной власти самой зайти туда, на местный рынок».

В подобной ситуации закономерно, что, по солидарному мнению экспертов, степень доверия населения Кыргызстана ко всем действующим институтам власти крайне незначительна. Единственный компенсаторный механизм – высокие рейтинги персонального доверия отдельным властным фигурам (прежде всего президенту Атамбаеву). Однако механизм этот слаб, и в отсутствие прочных институциональных оснований эксперты прогнозируют дальнейшее снижение уровня доверия к власти в целом и к ее отдельным фрагментам.

ТИПИЧНЫЕ, ОДОБРЯЕМЫЕ И ОСУЖДАЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Столь же неудивительно, что политические институты Кыргызстана в экспертных оценках предстают в целом малоэффективными. В качестве основания хоть для каких-то положительных оценок, как правило, выступает факт осуществления нацией своей политической воли в ходе революции 2010 г. и отсутствие последующих потрясений:

«Я думаю, что за пять лет, которые прошли и из-за того, что эти институты работали эффективно, мы имеем какую-то стабильность в стране».

Также в этом контексте говорится, что поставленные перед парламентом «исторические» задачи постепенно выполняются; страна находится в состоянии развития, а не стагнации; парламентские партии добились снижения накала митинговой политической борьбы:

«Партиям удалось перенести выяснение отношений за власть, за формирование кабинета министров именно в стены парламента».

В качестве оснований для отрицательных оценок эффективности политических институтов (а они преобладают) эксперты чаще всего называют: отсутствие рационального мышления, в том числе и у гражданского общества, пытающегося регулировать деятельность властей; отсутствие вертикали власти; «приватизацию» государственных институтов; непрофессионализм; популизм.

Что касается коллегиальности процесса принятия решений, то и здесь экспертные мнения противоречивы (заметная часть опрошенных вообще затруднилась с ответом). Одни респонденты говорят о монопольном

праве главы государства на принятие решений, о чуть ли не абсолютном влиянии президента и его администрации:

«Мы еще не пережили большевизм, поэтому где-то есть и единоличие: вождь все решает».

Впрочем, одновременно констатируется, что во многие проблемы президент «даже не вникает» – «он отдал это на откуп ближайшему окружению»:

«Сейчас практически все решения, как и прежде, принимают три-четыре человека».

Другие эксперты отмечают, что сравнительно высокая роль представительных органов – как на местном уровне, так и на национальном – автоматически гарантирует достаточную коллегиальность принятия решений. Любое решение проходит через сито коллективных обсуждений, и вырабатывается компромиссная позиция. Наибольшая коллегиальность наблюдается при принятии бюджета:

«Здесь, я думаю, президент будет соблюдать определенные нормы поведения, этикет, как говорится. А вот то, что касается открытия какого-нибудь комбината золоторудного, здесь, конечно же, не может быть никакой коллегиальности, потому что здесь будет вопрос доли обсуждаться. Все зависит от конкретного вопроса».

«В плане исполнительной власти там другой механизм немного. Вырабатывается единая позиция правительства».

Дополнительно стимулирует коллегиальность то, что Кыргызстан «перешел от мажоритарного способа выборов парламента к партийному». Это заставляет политические элиты искать и находить консенсус, идти на взаимные уступки при принятии политических решений. Особенно сильным оказывается влияние партий и гражданских структур в тех случаях, когда речь идет о представляющих значительный общественный интерес процессах: государственных закупках, выборах и т.п.

«Мы сделали так, что наш народ следит за каждым из нас. Поэтому наш народ действительно не по своей воле стал политически грамотным, вовлеченным в эту политику, правильно-неправильно, значит, он участвует в этой жизни. Но это, знаете, можно с одной стороны рассматривать как положительное явление, то есть это может быть одним из фундаментов построения демократического общества».

К тому же неправительственные организации выступают в роли «сторожевых собак» – они постоянно апеллируют к властным институтам, пытаются их контролировать, «не давать им привилегий». Впрочем, все и всегда могут жаловаться, пытаться оказывать давление, но тем не менее «процесс идет» – иногда с учетом сторонних мнений и позиций, иногда вне зависимости от них.

Впрочем, коллегиальность и конкурентность по-кыргызстански производна не от идеологических различий, а от ресурсных балансов:

«У одного есть деньги, а у другого умение вести политическую борьбу; у одного есть северный электорат, у другого – южный».

О сверхвысоком уровне коррумпированности политических институтов Кыргызстана заявляют все без исключения респонденты. Коррупционные схемы рассматриваются как базовый способ снятия любых социальных противоречий в треугольнике власть-общество-бизнес. В числе наиболее коррумпированных сфер эксперты называют медицину, автоинспекцию, прокуратуру и суды – вплоть до констатации *«развала правоохранительной системы»*.

При этом понимание коррупции в Республике Кыргызстан не ограничивается исключительно «черными» или «серыми» денежными трансакциями. Она является *«мутировавшей»* и включает в себя такие элементы, как непрерывный передел и захват собственности, обмен нематериальными услугами, попытки партий установить в собственных интересах контроль над ресурсами страны, всеохватывающая система подарков и подношений.

Борьба с коррупцией носит точечный характер и в целом неэффективна, несмотря на попытки президента Атамбаева ее институционализировать и систематизировать (*«одного, скажем, репрессивного механизма, конечно, недостаточно»*). Отмечается и бездействие масс в вопросах борьбы с коррупцией:

«Народ выстраивает свои жизненные ориентиры на будущее, исходя из каких-то частных интересов и представлений, не надеясь на государство».

Надежды на победу над коррупцией практически отсутствуют, а если высказываются, то связываются – довольно наивным образом – исключительно с ростом массового благосостояния:

«Нужно, чтобы человек стал экономически независимым, чтобы он мог при желании пойти и купить все, что он хочет».

Респондентами отмечается высокий уровень зависимости действующей власти как от внешних, так и от внутренних стейкхолдеров. К числу внешних относятся, во-первых, зарубежные государства, что предопределено *«тройственной политикой»* самого Кыргызстана, определяющейся желанием защитить свои государственные интересы *«по всем направлениям»*. Специально выделяются российское влияние (*«уже практически диктуют политику»*), китайское и турецкое (локализованы в экономической сфере), а также западное (под его влиянием находится гражданский сектор – *«они больше влияют на настроения людей»*, чем на собственно институты). Специального внимания заслуживает нетривиальность каналов влияния, используемых Западом:

«Молодые люди сегодня уезжают получать шариатское те-

ологическое образование в Соединенные Штаты Америки. То есть вы представляете, какой уровень работы идет».

Во-вторых, важным внешним стейкхолдером являются зарубежные фонды-доноры, от которых Кыргызстан зависит в колоссальной степени. Этим фондам фактически доверено решение стратегических управленческих задач – рынком проектной деятельности владеют именно зарубежные фонды, местные силы привлекаются только для реализации отдельных компонентов проекта:

«Это называется «операциональный проект», когда даже управление финансами ведется напрямую донорами или донорской структурой».

В число внутренних стейкхолдеров эксперты включают структуры гражданского общества и специальным образом выделяемые молодежные группы, получившие образование за рубежом и теперь образующие кадровый резерв властных структур:

«Это надо учесть: неправительственные организации путем участия в реформировании госорганов вмешиваются во внутренние процессы».

«В 20 лет наши молодые люди учились в разнообразных зарубежных странах, и сформированы целые группы уже носителей той политической культуры, например, турецкой, японской, европейской, американской».

Любопытно отсутствие упоминаний в этой категории племенных кланов, клиентел и бизнес-групп – похоже, они просто не рассматриваются как нечто отдельное от политической системы, а представляются ее неотъемлемыми элементами.

Степень открытости власти оценивается респондентами неоднозначно. Они склонны рассматривать не уровень публичности власти в стране в целом, а открытость каждого института в отдельности – сообразно специфике его работы. Преобладают позитивные оценки. Парламент *«как никогда открыт»*. Парламентская система предполагает, что *«о каких-то вопросах умолчать невозможно»*. Даже если партии пытаются «закрыться», то общественность и СМИ не позволяют им функционировать в таком режиме. Последствия неправильных решений проявляются моментально:

«Потому что много политических сил внутри парламента, которые готовы начать об этом говорить».

«Местная власть также достаточно открыта и доступна – за счет местных дискуссий, дебатов, местных Кенешей (представительных органов местного самоуправления)».

При этом открытость все же носит избирательный характер – так, иностранным инвесторам доступна почти любая информация, *«но для исследователя власти мертвы»*. В целом за последние пять-семь

лет в плане открытости политических институтов достигнут значительный прогресс.

Обратная точка зрения встречается реже и обосновывается так: «все идет по семейной схеме»; «формальные правила есть, но редко кто их придерживается».

Впрочем, даже сам факт высокой открытости процесса принятия политических решений у некоторых представителей элит вызывает раздражение:

«Избыточная открытость играет плохую роль, мы все время живем как в аквариуме».

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ И НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ

Вовлеченность населения Республики Кыргызстан в процесс принятия политических решений оценивается экспертами как достаточно высокая. Помимо общих установок традиционной политической культуры («кочевой демократии»), высокий уровень участия поддерживается еще несколькими факторами. Это прежде всего плачевное состояние экономики – «реальная жизнь, цены и несправедливость». Сегодняшнее положение большинства населения страны таково, что не обеспечивает удовлетворения даже базовых физиологических потребностей:

«Если нет работы, нет жилья, нечего кушать, то озлобляется человек, начинает во всех своих этих бедах винить правительство, власть».

Это низкое качество власти, ее непрофессионализм и постоянные кадровые перестановки:

«Как карты раздают из одной колоды в другую, следующую».

Впрочем, в последнее время степень раздражения действующей властью несколько снижается, тотально критические настроения постепенно склоняются в сторону большей объективности:

«Сейчас самый смелый эксперт, политолог тот, кто скажет: «Ребята, а ведь Атамбаев нормально делает!». Это пока не каждый может, это пока мало кто может себе позволить».

Это значимые элементы институциональной демократизации (в число которых эксперты обязательно включают неограниченную свободу слова и СМИ, в том числе в интернет-пространстве):

«Принятие парламентской системы, вот реальное достижение. То, что уличная неконтролируемая демократия обрела свои формы парламентской контролируемой, с нормированными процедурами осуществления демократических процессов».

Это наличие эффективных механизмов инфраструктурной и финансовой поддержки гражданских инициатив:

«Кто-то получил грант, делает такой проект. Пишут проекты, берут гранты и тоже... Это хорошо, когда есть позиция и она поддерживается финансово».

Вместе с тем деятельность гражданских активистов нередко описывается в довольно скептических тонах:

«Не работает эта форма. Они попадают в курултай, они сразу говорят: «Так, где мое удостоверение?» Он должен теперь ходить по министерствам, по парламенту, желательно в правительство и даже в аппарат президента, и пробивать какие-то конкретные вопросы для своей племенной группы».

Это внешнеполитические детерминанты – общая напряженность мировой политической конъюнктуры, в особенности террористическая угроза, исходящая от запрещенной в России группировки «Исламское государство», стимулирует вовлеченность в политику:

«Фактор угрозы во многом влияет на политическую активность и способен поднять значительные массы населения при необходимости защиты своей территории».

Интересно при этом, что вектор потенциального роста политической вовлеченности характеризуется экспертами как скорее пророссийский:

«Они готовы кинуться туда, кого Россия поддержит. У них ожидания большие, что Путин наведет порядок».

Впрочем, еще интереснее интегральная оценка важнейших мотивов политического вовлечения граждан Кыргызстана, данная одним из респондентов:

«Обильное угощение, обильные деньги и слабый клич: «Наших бьют!»»

Среди экспертов нет единодушия в оценках долей оппозиционно, лояльно и индифферентно настроенных граждан. Иногда в качестве доказательства достаточно высокого уровня лояльности приводятся результаты последних парламентских выборов (2015 г.), на которых партия президента Атамбаева (Социал-демократическая партия Кыргызстана) получила 48 мест из 120. Но в основном оценки респондентами реальной доли лояльно настроенных граждан очень различаются. Одни полагают, что таковых не более 10%; другие считают, что круг лояльных ограничивается «бюджетниками и их родственниками»; третьи говорят о большинстве; четвертые вообще отрицают если не сам факт наличия лояльных, то, во всяком случае, их готовность хоть как-то защищать действующую власть:

«Говорить о том, что кто-то пойдет защищать власть при необходимости, сегодня не приходится»

Похоже, что, несмотря на высокий уровень лояльности граждан Кыргызстана лично к президенту Атамбаеву (по некоторым утверждениям, до 70% населения), эта поддержка, в отличие от других изучаемых стран, нетранзитивна – она никак не распространяется на прочие политические институты и элиты.

Количество «безразличных» также оценивается по-разному (однако в любом случае как значительное – от 30 до 50%):

«Раньше температура, скажем, кипения, ну, в плане оппозиционности, была достаточно высокая. А в последние годы наступило полное равнодушие, и тот процент деятельных людей, идейных, которые раньше хотели каким-то образом участвовать в политической жизни, они смирились с ситуацией».

Даже за фиксируемой по формальным признакам политической включенностью (безразлично, провластной или оппозиционной) часто скрывается индифферентность и прагматический интерес, особенно в молодежной среде:

«Стояли везде группы молодых людей, которые ждали деньги от любой партии. Им все равно, кто бы это был, лишь бы дали деньги. Они берут деньги и заходят голосовать. Среди этих людей я не видела женщин, я не видела пожилых людей. Я видела только молодежь, молодые и крепкие ребята».

Условно оппозиционный дивизион, по мнению экспертов, состоит преимущественно из граждан, недовольных политикой властей и отсутствием значимых изменений к лучшему по итогам двух революций, но при этом все равно не готовых перевести свое недовольство в план действия. *«Любого сейчас спроси, он всегда недоволен».* Если оппозиционные настроения и мотивированы чем-то еще, кроме диффузной неудовлетворенности, то почти исключительно религиозным и географическим факторами:

«Сторонников ислама гораздо больше, чем всех политических партий и НКО, вместе собранных».

«Безразличных и лояльных гораздо больше в городской среде, оппозиционных – в маргинальной, в регионах».

«Север – это, скажем так, какая-то часть лояльна и какая-то часть индифферентна, а Юг – протестно настроенные».

Наиболее существенным обстоятельством, сдерживающим оппозиционные настроения, является трудовая миграция. До миллиона человек из Кыргызстана сегодня работают в России. Таким образом, значительная часть населения – причем наиболее активная и продвинутая – как бы вынесена за пределы государства и отключена от прямого участия в его делах. Их внезапное массовое возвращение (трудно представимое, но все же не исключенное) способно радикально изменить ситуацию.

ФОКУС-ГРУППЫ: КОНТРОЛЬ АДЕКВАТНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

Абсолютно все участники фокус-групп не только живо интересуются политическими событиями в Кыргызстане и за его пределами, но и приписывают столь же высокий уровень интереса своим родственникам, друзьям и коллегам, а также обществу в целом:

«У нас все, наверное, интересуются в стране».

«У нас после двух революций все политологи».

«Чем беднее страна, тем больше в ней интересуются политикой».

«Частая смена власти произвольно тоже влияет на уровень жизни, даже школьники обсуждают, от родителей слышатся».

При этом некоторые респонденты отмечали, что активное наблюдение за политическим процессом отнюдь не гарантирует глубину его понимания:

«Если так смотреть, то никто политику грамотно, хорошо не знает. Просто слухи, новости, а так, чтобы кто-то решал, внедрялся, такого нет. Молодежь... вообще есть, конечно, грамотная молодежь, но процент уже не такой большой, как раньше».

И тем не менее интересом к политике охвачены решительно все слои населения, хотя и по разным причинам:

«Которые в бизнесе, то есть депутаты, куча фирм, транспортных компаний... То есть влиянием лоббируют, толкают законы, когда закрытые заседания устраивают, они напрямую задействованы и заинтересованы».

«Конечно, пенсионеры, которым делать нечего, на мой взгляд».

«В деревнях, в аулах даже все интересуются».

«Молодежь тоже, потому что они – будущее страны, им это интересно, и кто-то из них претендует, или есть цель тоже попасть в политику, стать президентом, депутатом».

Идеальная власть по-кыргызстански, по сути, не может быть описана, поскольку сам этот вопрос не имеет для участников фокус-групп особенного значения. Встречаются высказывания в пользу как парламентской, так и президентской республики:

«Парламентская лучше всего: с депутатами со всеми договориться тяжело, а с одним президентом легче, то есть, другое государство навяжет одному человеку, а всем тяжело навязать».

«А у нас в принципе нормально, самое главное, что у нас есть

право выбора».

«Вот такая эффективная форма: Америка, естественно, самая богатая страна – президентская».

«Один лидер с правильными целями и позицией, который может влиять на все уровни ниже, пример тот же самый – Казахстан и Россия. Я считаю, у них президентская форма, один лидер сильный, который может правильно повлиять. Где грубостью, где пряником. Я думаю, что это более подходящая форма для нашей страны».

Изредка упоминается – без каких-либо внятных подробностей – такая «национальная форма правления», как курултай:

«Я считаю, что это чуждые все модели, и у народа со своей истории можно взять те эффективные моменты правления, и они будут понятны всем».

Однако преобладает то мнение, что форма правления на самом деле несущественна, а важны качества конкретных персон, наделенных властью:

«Мне нравится, когда у власти адекватные люди, и форма там уже не важна. То есть то же самое диктаторство и президентство тоже разные. Он может быть полным идиотом, сгубить весь свой народ и быть демократом, ну если так, утрированно и по-детски. А может сделать из своей страны Сингапур, и всем будет пофиг, что ты диктатор».

Неудивительно, что и политический дизайн Кыргызстана не слишком интересен участникам фокус-групп – дальше того факта, что сейчас в стране установилась парламентская республика, их познания обычно не заходят. Политика предстает как взаимодействие личностей, не институтов:

«У нас сколько... 120 депутатов, вот из них, наверно, человек 12. Узкая группа, кто между собой либо противоборствует, либо сотрудничает».

В том числе личностей, формальным политическим статусом не обладающих:

«Бизнесмены – руководители крупных концернов, крупные экономические представители. Потому что политика и экономика – вещи нераздельные».

В то же время у участников фокус-групп вызывает сомнения сама правомерность именованности лиц, так или иначе вовлеченных в процесс принятия политических решений, политиками в собственном смысле слова:

«У нас политиков нет, у нас есть политиканы... Они в принципе есть, но защищают свой класс олигархов, потому что они пришли к власти, и тут уже очерчивается круг. Внутри он политик, а за этим кругом он политикан».

Даже президент воспринимается как заложник этого круга:

«Страна уже давно поделена. Элиты разделили эту страну... Они сейчас выдвинули свои требования тому же Атамбаеву. Мы воруют здесь, ты нас не трогай. Если ты тронешь, мы тебе сделаем такую пакость. И он не может. Он стоит между ними и народом, народ не будет жать тоже, пока они будут воровать, спокойно смотреть... Атамбаев не может против элиты пойти, потому что он один из богатейших людей, и тоже не может дернуться. Это патовая у него ситуация. И со стороны смотришь, как будто он бездейтелен, а он не может, понимаешь».

Любопытно, что участники фокус-групп, то есть представители массовых слоев населения, оценивают качество политического участия этих же самых слоев гораздо более скептически, а вовлеченность населения – гораздо более скромно, чем элитные эксперты. Участие, конечно, возможно и имеет место – прежде всего в электоральных формах. Но на последних выборах *«всего лишь 59% проголосовало»*. Мотивы участия в выборах участники фокус-групп объясняют очень по-разному: *«голос важен»*, *«они еще верят, надеются, надежда есть»*, *«вливают знакомые»*, *«деньги же дают»*, *«глядя на свою бабушку, мне приходит такой вывод – их приручили»*, *«назло»*, *«просто исполняют свой гражданский долг»*, *«протестные люди, которые против всех»*. Некоторые голосуют даже в том случае, если не видят в бюллетене близкого себе кандидата или партию:

«А я иду специально. Можно пойти испортить бюллетень, но ты свой голос никому не отдаешь. А если ты не идешь на выборы, то бюллетень остается, и его могут использовать».

Впрочем, различным образом мотивированный абсентеизм все равно достаточно распространен:

«Просто еще неудобно, то, что нужно куда-то идти. Время, в очереди стоять, потом оказывается, что ты не в списке, хотя каждый год там же и голосуешь. Неудобно».

«Некоторые, надо сказать, работают».

«У них основная причина – от этого ничего не поменяется».

«Это тоже моя позиция – не прийти, не отдать голос».

«Но сейчас появляется все больше людей, которые говорят: я не пойду, это и есть моя позиция. Этим самым он как раз выражает свою гражданскую позицию: «Зачем?»»

Отрицательным образом сказывается на политическом участии дефицит достоверного знания о реальных движущих силах и механизмах политического процесса:

«Поэтому мы и рядовые граждане, мы не лезем куда-то туда. Мы можем это обсудить, можем на это посмотреть, возле этого подвигаться, понять, что там, на поверхности, но само ядро нам недоступно. Причины того, что нам показывают по

телевидению, или то, что мы видим по ситуации в целом... Рядовых людей это и отличает, что никто не пытается разобратся в сути, поэтому мы не политики».

В числе иных доступных форм политического участия, помимо электоральных, респонденты называют ведение блогов, общественную деятельность, вовлеченность в законотворчество (*«создавать законопроекты, новые конституции, подписи собирать»*), мирные протесты (*«плакатики берем и выходим»*). Однако эти формы нередко носят – или со временем принимают – конформистский и прагматический характер:

«Они все-таки могут, но человек должен иметь условия... В соцсетях иметь определенное количество своих последователей, блогеров, подписчиков, неважно. Например, наши гражданские активисты, есть парочка, которые постоянно ходят и хлопают наших гаишников. Считаю, что они все-таки какую-то полезную деятельность делают... Но на данный момент думаю, что, если какие-то вышестоящие наши люди придут и скажут: «Я тебе предлагаю определенные условия, присоединяйся ко мне», он сможет свою ленту таким образом настроить, что повлияет на подписчиков. И это та же самая политика будет».

МОЛДОВА:

«БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ»

МОЛДОВА: «БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ»

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Внушительное большинство молдавских экспертов считает, что политическая культура их страны обладает выраженными специфическими чертами, выделяющими Молдову на фоне других постсоветских государств. Аргументы в пользу этой точки зрения в основном неоригинальны:

«Наша культура кардинально отличается от других стран, потому что у нас нет истории государственности, которая есть в других странах».

«У нас рождение нации произошло во взрывной форме: вот не было ничего, и – бух! – появилось. Многие нации шли к своей независимости через гражданские войны, через сопротивление, тюрьмы, каторгу, через разные малоприятные вещи. Они шли к независимости, к свободе, к тому, чтобы родиться как народ. Нам независимость упала с неба, вроде подарка судьбы».

«Конечно, есть несколько отличающих особенностей, которые в большей части определены стечением западных и восточных культур».

Однако надо отметить уникальное для совокупности исследуемых страновых случаев обстоятельство: некоторая часть опрошенных высказала твердую убежденность в том, что Молдова не просто обладает собственной государственной традицией, но традиция эта является частью традиции европейской и ее политическая культура в целом аналогична той, что существует, например, в Румынии (что, однако, не означает особых иллюзий относительно ее, культуры, достоинств):

«Молдавская государственность существует на протяжении пятисот с лишним лет, это было молдавское княжество Штефана чел Маре».

«Мы на 100% балканский народ, и, как поется у нас в одной очень знаменитой песне группы «Холограф», мы тщеславные, хвастуны и сопливые... (Примечание: группа «Холограф» – не молдавская, а румынская). Впрочем, это специфично для всех балканских народов. Если говорим о греках или болгарях, румынах – все одинаковые».

В то же время есть эксперты, не отделяющие молдавскую политическую культуру от постсоветской в целом и указывающие, что в основных чертах она аналогична украинской, белорусской, российской:

«И у нас, и у других государств постсоветского пространства переход от «относительного тоталитаризма» к развитой демократии при отсутствии свободного выбора».

«Речь о периоде, через который мы проходим – от «homo soveticus» к «гражданину»».

Так или иначе, большинство участников интервью – вне зависимости от того, какую из этих культурно-исторических предпосылок, условно «европейскую» или условно «советскую», они считают более значимой, – полагает, что в Молдове *«сегодняшняя политическая культура имеет двойственный характер»*, обусловленный их конфликтным взаимодействием и противоречивым симбиозом:

«Этот советский тип политической культуры, несмотря на то что прошло уже четверть века, продолжает существовать в умах людей... Они не считают важными для себя либеральные ценности, прежде всего развитие индивидуальных качеств, а полагаются прежде всего на государство. Что касается особенностей, то, конечно, здесь имеет огромное влияние то, что Молдова является составной частью румынского национально-культурного пространства».

В процессе и результате подобного симбиоза оформились следующие общие характеристики политической культуры Молдовы:

Непотизм (также «кумэтризм», «нанашизм» – разг.)

Непотизм иначе можно определить как «кумовство», или «клановость». Именно он представляется респондентам самой типичной чертой политической культуры Молдовы. Непотизм подразумевает доминирование факторов родственной или дружеской связи, преданности и послушания над факторами заслуг и достижений. В контексте политики респонденты так описывают эту особенность:

«Самые явные проявления национальных традиций в политической практике – это элементы непотизма. Это родственные связи, которые переносятся из сферы быта, повседневной жизни в политическую практику».

«У нас посаженные родители на свадьбах – это «нанаши», соответственно, «нанаши» и «фины» – это родственные связи... Солидарность на бытовом уровне экстраполируется на механизмы, процессы, институты на национальном уровне, на процессы управления страной».

«У нас не существует системы меритократии, нет талантливых профессионалов. Люди идут в ту или иную партию большей частью благодаря тому, что принадлежат к определенному политическому, экономическому клану. Это означает, в первую очередь, систему родства, «кумэтризм-непотизм»».

Влияние nepoтизма, согласно замечаниям интервьюируемых, усиливается малочисленностью населения Молдовы и сравнительно небольшим размером ее территории.

Раскол общества по идентитарному принципу и производное от него существование конкурирующих национальных идей

Эксперты отметили сразу несколько значимых размежеваний внутри молдавского общества: этнический, социальный, возрастной, региональный. Каждой из этих групп присуща собственная политическая субкультура. Такая множественность расколов порождает конфликт двух конкурирующих национальных идей – «молдовенизма» и «румынизма» (видимо, каждая из них рассматривается как средство преодоления болезненных разделений). Однако в результате возникает новый раскол, в последнее время усиливающийся.

«У государства молдавского нет общей объединяющей идеи, есть некие тенденции... Некоторые видят Республику Молдова как временный политический проект, переходный этап от Молдовы к большой Румынии. Некоторые говорят: «Мы с вами в Румынию не пойдем, мы создадим новое видение». Это предполагает, конечно, разделение, как разделение в ментальной части, так и в дальнейшем приводит к территориальному. Одни говорят: «Мы хотим в Евросоюз», другие говорят: «Мы хотим в евразийское пространство»».

«Руральность»

«Руральность» (дословно – «деревенскость») является заметной чертой политической культуры Молдовы. Количественное преобладание сельского населения означает и преобладание соответствующего мировоззрения, а также политических практик:

«Мы – общество сельское. У нас городов до недавнего времени по сути не было, и, соответственно, не было и городской культуры, которая предусматривает элементы самостоятельности и независимости в принятии решений, элементы самоуправления – то, что определяет западную политическую культуру».

Правовой нигилизм, терпимость к нарушениям закона, в том числе коррупционным:

Игнорирование авторитета закона в Молдове тесно связано с nepoтизмом и оппортунизмом: достижение личных целей, как отмечают участники интервью, ставится выше буквы закона и социальной ответственности:

«У нас нет уважения закона, и это общая беда, проблема наша. И это мешает нам нормально развиваться, потому что в стране, где не уважают законы, где постоянно их нарушают, причем в угоду каким-то корыстным интересам, никогда не будет инвесторов, и никогда ничего не будет развиваться, и никогда не будет нормальной политики».

«Мы не участвуем активно в управлении страной, мы толерантны к коррупции. Соответственно, не контролируем, не ограничиваем власть, поэтому она у нас, в условиях безнаказанности, такая, какая есть – она коррумпирована».

Имитативность демократии

Копирование институционального дизайна западных стран и его процессуальной компоненты, накладываясь на национальную специфику Республики Молдова, отражается на особенностях функционирования ее политических институтов:

«Не пройдя полностью определенный уровень, мы вынуждены под давлением Запада заниматься имитацией институтов Запада и его культуры».

«Фанариотизм» элит

Этот достаточно редкий термин происходит от слова «фанариот» – представитель некоторых греческих семейств в княжествах Молдавия и Валахия, из числа которых в XVII в. турецкими султанами формировались правящие классы, вызывавшие крайнее недовольство местного населения. В ходе интервьюирования феномен «фанариотизма» трактовался следующим образом:

«К сожалению, пребывание исторической Молдовы и Бессарабии в составе России в течение последних 200 лет породило явление фанариотизма – поклонения новых политиков внешним интересам, будь то интересы Востока или Запада. Это не случайно, потому что на этой территории национальное сознание было многократно растоптано».

Одновременно «фанариотизм» ассоциируется со стремлением политической элиты к обогащению, невзирая на общественные запросы:

«Они воспринимали вот этот мандат на правление как возможность за очень короткий период времени обогатиться. Ну, естественно, речь не шла об улучшении условий жизни народа, о каком-то развитии здесь, модернизации... Мы постоянно выбираем людей, которые воспроизводят фанариотскую форму правления в этой стране».

Гражданская пассивность и «контемплативность»

«Одной из черт молдавской политической культуры является пассивность молдавского избирателя. В большинстве своем наше население очень пассивно – не зря говорят, что «мама-лыга не взрывается»... Революция здесь невозможна по определению, именно вследствие низкой гражданской активности населения, некоего наплеватьства к уровню своей жизни, к тому, что происходит в стране».

Пассивность масс трактуется экспертами как производная от «руральности» политической культуры, то есть от специфического мировоззре-

ния сельских жителей, для которого характерна позиция нейтрального, невключенного наблюдателя:

«В городах люди проактивны, то есть они борются за свои права, они оказывают давление. В сельской местности люди контемплативны, то есть созерцательны».

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Эксперты последовательно дифференцировали формально-правовую и практическую стороны функционирования политических институтов Республики Молдова. Не менее половины респондентов считает, что с формально-правовой стороны эти институты вполне соответствуют мировым стандартам и универсальным нормам:

«К законодательству нет особых вопросов. Оно соответствует любым нормам международного права развитых стран, ведь в основном оно и списывалось с различных государств – Франции, Германии».

В то же время практическая сторона вопроса, по мнению опрошенных, сводит на нет весь эффект формально-правовой, поскольку имплементация законов происходит под определяющим влиянием негативных особенностей национальной политической культуры, прежде всего непотизма:

«В Молдове принимаются очень хорошие законы, проблема только в том, как они имплементируются. Имплементируются они в лучших традициях «кумовства», «нанашизма» и т.д.»

В результате качество государственного управления совершенно *«не соответствует европейским стандартам»*, причем *«европейские стандарты»* неизменно выступают в качестве высшего, не подвергающегося критике мерила институциональной эффективности. В частности, были отмечены такие деструктивные моменты, как сугубо партийный подход к формированию правительства и министерств, игнорирование требований закона, бессистемность рекрутирования управленческих кадров, отсутствие механизмов гражданского контроля.

«Если, например, на Западе понимают, каким должен быть политический министр, а все остальные – это специалисты, менеджеры и профессионалы, которые могут не зависеть от партий, то у нас это не так».

«На Западе для всех институтов исполнение закона является альфой и омегой всей деятельности. У нас к этому отрицательное отношение».

«На Западе выработалась система подбора кадров на руководящие должности в различных институтах. У нас такой системы абсолютно нет, она построена на том, кто продавит свою кандидатуру».

«У нас также нет ответственности перед народом таких политических институтов, как парламент, как партии».

Впрочем, не раз высказывалась позиция, согласно которой все отмеченные недостатки – временное и естественное явление. Во-первых, Молдова лишь недавно встала на демократический путь развития (который западные страны тоже проходили в течение долгого времени). Во-вторых, любые политические институты неизбежно окрашиваются особенностями той или иной культуры:

«Мы должны понимать, что надо пройти через какой-то период, но... так как эти институты работают на нас, мы их оплачиваем и как работодатель, и как заказчик, мы должны требовать качественную работу, а для этого мы должны себя почувствовать гражданами с большой буквы».

«Все всемирные институты имеют национальную специфику, не существует «европейских» институтов, «европейские» институты есть только в теории».

Однако вопрос о том, что именно в итоге преобладает – заимствованные европейские стандарты институционального дизайна или их модификации национальной политической культурой – остается болезненным. Большинство опрошенных склоняется ко второй точке зрения:

«Дэн Сяопин сказал такую вещь, что: «Мы будем строить в Китае социализм, но с китайской спецификой». В этом социализме больше китайской специфики, чем социализма. К сожалению, у нас тоже так, мы строим демократию, но с молдавской спецификой. И молдавской специфики больше, чем демократии».

«Европейские нормы предполагают институты, основанные на ценностях индивидуальной свободы, и при применении их в среде, основанной на коллективизме, они не работают хорошо. Не могу представить, чтобы в Молдове прокурор, например, арестовал своего брата, не могу представить, чтобы патрульный инспектор остановил и оштрафовал своего отца, например. Из-за нашего менталитета в Молдове это невозможно».

С другой стороны, актуальное строение политической власти Молдовы (парламентская республика), по мнению ряда участников интервью, не в полной мере соответствует политической культуре страны. Например, в общественном сознании молдаван существует представление о том, что в государстве ведущую роль играет его глава, то есть президент. В условиях парламентской республики это не так. Отсюда возникает когнитивный диссонанс, выражающийся в конфликте между большими надеждами на институт президентства и разочарованием в нем:

«Люди питают очень много надежд на то, что президент сможет решить их вопросы. Хотя это в условиях парламентской республики неправильно. Все рычаги экономической власти принадлежат премьер-министру. Вот на кого они должны ориентироваться. Но, исходя из советского прошлого, всегда или почти всегда чаяния людей нацелены на президента как первое лицо в государстве».

Более того, отдельными экспертами высказывалось то мнение, что нынешний политический порядок совершенно не соответствует молдавской политической культуре и народным чаяниям:

«Можно совершенно уверенно заявить о том, что власти, нынешние институты правящие, являются чем-то противоположным идеальной модели власти в восприятии молдаван».

С другой стороны, некоторые респонденты считают такой разрыв между идеалом и реальностью естественным и неизбежным, то есть по-своему культурно укорененным:

«Эти политики, которых мы избираем, и являются выражением нашего голоса и нашего менталитета. Нам самим надо измениться, обогатить нашу политическую культуру».

Реальная композиция политических институтов Молдовы, по оценкам экспертов, в целом соответствует формальной – страна является парламентской республикой не только *de jure*, но и *de facto*. Однако нюансы взаимодействия институтов между собой описываются очень по-разному. Одни говорят о неформальном партнерстве – политические институты сотрудничают между собой преимущественно неофициальным образом, и не ради исполнения своих титульных функций, а в интересах неформальных групп влияния и их лидеров:

«Премьер-министр – это просто человек, который является своего рода модератором решений лидеров партий, которые проходят через фильтр очень близких к лидерам партий структур и людей, и только потом попадают в повестку дня правительства, где премьер-министр просто ставит на обсуждение вопрос, а решения принимаются так, как об этом договорились лидеры коалиционных партий, которые нуждаются к сотрудничеству одним неформальным центром принятия решений».

Другие указывают, что политические институты и сферы влияния внутри них разделены между неформальными группировками. Конфликты интересов этих групп приводят и к конфронтации политических институтов как к вторичному эффекту.

«Политическая культура на уровне политических элит носит конфликтный характер, остро конфликтный характер, они не открыты абсолютно к сотрудничеству».

«Власть поделена между кланами, а не так, как должно быть по закону, и, если какой-то клан нарушает конвенцию, появляются разногласия, начинаются разборки».

Третьи рассказывают об ограниченном доминировании одних институтов над другими в горизонтальной (между ветвями власти) и вертикальной (центр и местные органы) плоскостях:

«Исполнительная власть – самая сильная. Со времени получения независимости, точнее, с 1994 г., законодательная власть подчинялась исполнительной, постоянно, как Золушка, выполняя все ее капризы».

Примечание: Судя по контексту, это надо понимать не как указание на фиктивность парламентской республики как таковой, а как констатацию того факта, что формально выдвинутый парламентским большинством премьер-министр и сформированное им правительство в действительности контролирует само это большинство и через его посредство парламент в целом.

«Очень сильное влияние центральной власти на местную».

«Аргумент очень простой – 95% из местных властей (мэрий) не на самообеспечении, получают деньги из госбюджета».

Впрочем, из этого правила есть одно важное исключение – столичное самоуправление:

«Там сформировалась очень сильная группа интересов: вначале период Урекяна, потом Киртоакэ (Примечание: тут названы мэры Кишинева с 1994 по 2005 гг., а также с 2007 г. по настоящее время), которые были в противостоянии с центральной властью, и это продолжается по сегодняшний день, в разных форматах... Потому что бюджет Кишинева – два миллиарда лей, и они самоуправляются... У них есть ресурсы для противостояния».

Однако большинство опрошенных полагает, что политические институты в стране работают автономно друг от друга и вообще не кооперируются в процессе реализации своих функций, соблюдая только формальные требования закона:

«Президент закрылся в своих полномочиях и с правительством практически не работает. Я не вижу тесного сотрудничества правительства с парламентом, потому что правительство готовит какие-то законодательные инициативы, дает, парламент их принимает, а потом другие не отслеживают, как они эффективно работают. Они вместе должны думать, чтобы это работало».

Никто из экспертов не наблюдает эффективного партнерства между какими бы то ни было политическими институтами Молдовы. Но самое главное, что у экспертов нет уверенности в том, что эти институты действительно являются таковыми в собственном смысле слова. Диффузия непотизма в политическую систему Молдовы приводит к тому, что решительно все институты в колоссальной степени персонифицированы, а институциональные обязательства подменены личной преданностью:

«У нас все партии персонифицированы. Практически не имеет значения, развивается эта партия в правильном или неправильном направлении, побеждает или нет на выборах, по-любому партия основана на одной личности».

Что касается доверия к политическим институтам, то из всех описываемых стран в Молдове ситуация наиболее однозначная и наиболее тревожная. Многолетняя отрицательная динамика уровня доверия к власти и ко всем без исключения ее институтам привела к тому, что в настоящий

момент этот уровень приближается к нулю. Иных оценок просто не высказывалось:

«Опросы показывают, что уровень доверия очень низок. В следующем опросе, наверно, уровень доверия упадет ниже 5–6% – это уже будет катастрофой. По крайней мере, в прошлом году уровень доверия населения составлял 10%–12%, а в этом году 5–6%».

Тревожность этой ситуации усугубляется тем, что она развивается на фоне сохранения в неприкосновенности традиционно обращаемых к власти патерналистских ожиданий:

«Я считаю, что этатизм. Безграничная вера в то, что государство не то что решает, а должно решать все проблемы».

«Для молдаван очень важно, чтобы государство было патерналистским, заботилось бы о гражданах, пропагандировало бы социальную защищенность и ценности, и т.д.».

Одни эксперты выводят эту патерналистскую традицию из советской традиции, другие – из особенностей, преобладающей в Молдове православной религиозности. В любом случае налицо серьезный разрыв между ожиданиями граждан и реальностью их повседневного существования.

ТИПИЧНЫЕ, ОДОБРЯЕМЫЕ И ОСУЖДАЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

На этом фоне неудивительно, что актуальная эффективность политических институтов Молдовы большинством респондентов оценивается весьма низко:

«То, что сегодня в Молдове происходит, и уровень, и качество политического класса и политических институтов, характеризуются как самые низкие за всю историю независимости страны».

«Эффективность очень низкая. Молдавские политические институты, они служат интересам олигархии и захвачены собственными олигархами».

«Эффективность однозначно низкая. Это видно по отношению людей к этой власти. Если население в массе своей недоволено положением дел в государстве, не доверяет властям, то, конечно, о какой эффективности может быть речь?».

В числе наименее эффективных политических институтов назывались политические партии, мэры, правительство и его министерства. Впрочем, часть интервьюируемых отметила, что никак не определены те критерии, по которым можно было бы с высокой степенью точности оценить эффективность политических институтов. Как следствие, голословные обвинения в адрес органов власти подменяют собой общественный контроль и трансляцию объективной информации:

«Как работает президент? Ну как бы вообще в среднем плохо. А может быть, он делает в рамках его возможностей, а может быть, он супер хорошо работает? У нас нет оценки деятельности парламента. Мы не понимаем, сколько в парламенте должны принять законов... Как они повлияют на развитие? У нас нет оценки эффективности деятельности правительства. Правительство уходит, и хотя бы какие-то критерии: вот рождаемость за четыре года увеличилась или упала, смертность увеличилась или упала, смертность на дорогах увеличилась или упала, количество рабочих мест увеличилось или упало и т.д. Вот оценка эффективности».

Была также высказана точка зрения, что даже в этих условиях способен с достаточной эффективностью работать институт президентства – как это было в период исполнения полномочий президентом Ворониным и в последние месяцы президентства Тимофти.

Коллегиальность принятия политических решений в Молдове была замечена лишь несколькими респондентами, да и то в контексте недостаточной степени ее распространения и качества:

«Коллегиально принимаются только формальные решения, предусмотренные законом. Более демократичная ситуация сложилась в муниципальном совете Кишинева, там действительно коллегиально принимаются решения. О коллегиальности можем говорить в парламенте. Но даже голосование за определенные законы больше по необходимости, а не по желанию, не по осознанию необходимости принятия коллегиальных решений».

Большинство же опрошенных высказало твердую убежденность, что принцип коллегиальности в политических институтах Молдовы вообще не наблюдается («не существует никакой коллегиальности, когда идет речь о поддержке или голосовании за какой-то проект»). При этом часть экспертов указывает на то, что решения принимаются единолично (премьер-министром или президентом), а другая часть – неформальными группировками. Например, в партиях «процессом принятия решений занимается совсем узкий круг людей, а членов партии только ставят перед фактом, и чаще всего в Молдове их мнения не совпадают с решениями, принятыми руководством партии».

Почти половина респондентов декларировала высокий и очень высокий уровень коррумпированности молдавских органов власти:

«Коррупция очень высокая. Скандал с кражей миллиарда стал брендом во всем мире – «краденый миллиард». Это большая сумма, это примерно 15% от валового внутреннего продукта нашей страны. Конечно, это говорит о невиданной коррупции, потому что нельзя было украсть этот миллиард без того, чтобы в этом не участвовали политические партии, правители, парламент, Национальный банк, Центр по борьбе с коррупцией, Генеральная прокуратура. Вся эта система должна была скоординированно, согласованно закрывать глаза на это воровство».

Однако некоторыми участниками интервью высказано суждение, что уровень коррумпированности политических институтов Республики Молдова скорее средний – по крайней мере, смотря с чем его сравнивать:

«Коррупция на среднем уровне, поскольку она выше, чем в Европе, но ниже, чем в странах к востоку от нас. Это указывает на то, что мы являемся культурой в транзите».

Большинство экспертов заявляет, что молдавские политические институты и элиты всецело зависят от интересов внутренних стейкхолдеров, которые полностью контролируют их деятельность:

«De facto парламент превратился в машину голосующих. Голосующую машину, претворяющую в жизнь волю очень ограниченного числа инвесторов, которые финансируют политические партии. Политические партии у нас на самом деле бизнес-организации, в которые ограниченная группа людей инвестирует финансы и потом хочет иметь прибыль».

При этом совокупность внутренних стейкхолдеров описывается не как целостная элита, а как неоднородный конгломерат неформальных группировок и лидеров, равнодействующая влияния которых практически неопределима:

«У нас нет неофициальной элиты. Неофициальная элита – это группа людей, которые разделяют определенные идеи и взгляды на развитие страны. Это элита, у которой есть взгляды, совпадающие с основными целями развития страны. Вот этого у нас нет».

Зависимость политической элиты и политических институтов от внешних стейкхолдеров представителями экспертного сообщества оценивалась по-разному. Одни опрошенные утверждали, что такая зависимость есть, ссылаясь на упомянутый выше «фанариотизм»:

«Зависят от Международного валютного фонда, от Европейской Комиссии: примерно до 20% молдавского бюджета – это помощь со стороны Запада. А в торговле Молдова больше зависит от рынков сбыта в России, в частности, агропромышленный комплекс».

Однако встречались и те, кто не считает такую зависимость существенной:

«Я не думаю, что они зависимы, подвержены влиянию. Те же партии состоят в связях с внешними игроками в зависимости от выбранного вектора, и таким образом на них влияют, но это влияние не настолько сильно, чтобы управлять их действиями или мешать им в неких действиях».

Мнения экспертов относительно открытости молдавских политических институтов разделились примерно поровну. Одна подгруппа констатирует их закрытость:

«Они всегда закрыты. Мы не знаем, что происходит. Мы знаем,

что у нас есть министр, но не знаем, чем он занимается на самом деле, но слышим – то у него подозрительный штраф, то еще что-то, а на самом деле я не вижу его даже по телевизору».

«Давайте я приведу пример. Вы видели, что журналистам не совсем разрешено присутствовать на парламентских сессиях? Их выгоняют из правительственных сессий, из мэрии. Вы заметили, что я, будучи депутатом, делаю часто запросы в госструктуры и не получаю ответов?»

Закрытость органов власти объясняется наличием *«личных и клановых интересов»*, любые сведения о которых тщательно скрываются, а также тем, что в большинстве своем *«СМИ партийно-клановые»* и не стремятся снабжать общество объективной информацией. Тем не менее, примерно столько же экспертов считает, что открытость (публичность, прозрачность) политических структур имеет место, хотя и не достигает должного уровня (*«давать пресс-релизы на происходящее недостаточно»*) или недостаточно точно отражает действительную ситуацию:

«Это ложная открытость, потому что в этой открытости мы не видим процесса выработки решений, они просто ставятся перед нами».

Позитивные примеры открытости относятся почти исключительно к местному уровню власти:

«Надо сказать, что на уровне села у людей есть возможность решать свои вопросы и как-то влиять на принятие разных решений. Большинство сельских примаров (Примечание: глав местных общин) открыты для местного населения, все знают друг друга. На этом уровне, я думаю, люди могут как-то влиять на власть и добиваться от нее чего-то. Выше – уже на уровне района – меньше, а на уровне республики люди практически не могут ничего сделать».

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ И НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ

По вопросу о наличии у населения Молдовы интереса к политическому процессу и вовлеченности в политику мнения опрошенных снова разделились почти поровну. Одна часть оценивает эти параметры национальной политической культуры достаточно высоко:

«Люди очень интересуются политической жизнью, по крайней мере, круг моего общения. Может, потому что я сам пишу о политике как журналист, но даже мои соседи и друзья проявляют интерес к ней. Будет правительство или нет, многие беспокоятся, что может начаться война на фоне событий в Украине, событий на Ближнем Востоке, миграции, терроризма».

Примерно такая же доля респондентов полагает, что интерес граждан Молдовы к политике ограничивается просмотром политических телепередач:

«Этого нет. Если проводится политическое шоу, тогда да. Но эти политические шоу проводятся не для того, чтобы объяснить, что происходит в нашей стране. Они проводятся для того, чтобы отвлекать внимание людей, и люди это понимают».

«Любое решение институты должны заранее опубликовать, чтобы общество могло ознакомиться, внести свои предложения. Сколько из нас на самом деле участвуют в этом? Читают законы, вносят предложения и борются за свои предложения? Ноль. Механизмы созданы... Большая часть не работает, потому что обществу неинтересно».

Перечисляя конвенциональные формы политического участия, эксперты говорят следующее: «участие в выборах», «на референдумы ходят», «пишут, высказывают свое отношение», «участие в заседании местного совета».

Электоральное участие вызывало отдельное внимание участников интервью, поскольку здесь наблюдается парадоксальная, на их взгляд, ситуация, связанная с высокой явкой граждан на выборы:

«Исходя из того, как себя ведет политический класс по отношению к гражданам, должна быть ответная реакция. Я не говорю о революции, но имею в виду абсентеизм: если политики не слушают население, тогда и население не должно приходить на выборы. Но у нас население приходит на голосование. Не знаю, чем это объясняется – либо дисциплинированностью, либо послушанием граждан, – но голосуют».

Включение в неконвенциональные формы политического участия эксперты связывают только с «размером куска хлеба на столе гражданина» или с совсем уж серьезными событиями в общественно-политической жизни:

«В этом году, как вы знаете, состоялись массовые протесты. Но это только после того, как граждане усвоили, что каждого из них ограбили на 30-40%, после кражи миллиарда каждый из людей потерял по 30-40% из своих накоплений за длительное время».

Вообще же надо учитывать, что политическое участие граждан Молдовы понижается их привычкой к иным методам реализации своих интересов и, главное, большей эффективностью этих методов по сравнению с публичной политической активностью:

«Если у него нет выбора, тогда он обращается в госучреждения. Но в случае, если человек хочет действительно решить проблему, с которой связано его будущее или будущее его семьи, он обращается к родственникам».

В результате граждане минимизируют свое политическое участие, наблюдают за политическим процессом со стороны и руководствуются традиционным принципом «*capul plecat, sabia nu-l taie*» («скло-

ненную голову сабля не берет»).

В оценках пропорции долей лояльных власти, безразличных и настроенных конфронтационно граждан эксперты не были единодушны. Одни считают, что представители первой категории составляют большинство

«После 2009 г. просто взаимодействие и обслуживание интересов политического класса – абсолютная лояльность к власти».

Около половины опрошенных придерживается совершенно противоположной точки зрения:

«На самом деле, если говорить о нынешней ситуации, то лояльных к нынешней власти не осталось и 20-30 % – это друзья, родственники, дети представителей правящей партии и т.д. Недовольных властью и политикой гораздо больше – не лояльных может быть и 70-80%».

Есть и те, кто дифференцирует активную и пассивную оппозицию, отмечая, что пассивно настроенных намного больше и фактически записывая в ряды оппозиции якобы безразличных:

«10% граждан готовы жестко оспаривать нынешнюю власть, примерно 30-40% готовы мирно протестовать и 60% поддерживают акции протестов, которые были начаты «Гражданской платформой»».

Таким образом, сколько-нибудь уверенно оценить соотношение долей оппозиционно настроенных, лояльных и индифферентных по отношению к действующей власти граждан (и тем более – возможные перетоки между этими группами) на основе экспертных интервью не представляется возможным, что повышает неопределенность в отношении политического будущего Молдовы и является источником серьезных рисков.

ФОКУС-ГРУППЫ: КОНТРОЛЬ АДЕКВАТНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК

Выраженность и направленность интереса к политике участников фокус-групп оказалась очень разной. Около половины их активно интересуется политическими событиями в Молдове и за ее пределами:

«Конечно же, да, ну а как же, чтобы меня не волновала дальнейшая жизнь моих внуков, которых хочу увидеть большими людьми, хочу знать, что они будут гордиться нашей родиной».

При этом для одних важнее внутривнутриполитическая повестка дня, для других, наоборот, глобальная:

«Меня, конечно, больше интересует, что в нашей стране, я живу здесь и уезжать куда-то не собираюсь».

«В мире на первом плане, а потом все остальное».

Многие респонденты заявили об отсутствии интереса к политике либо о его утрате:

«Не интересует, откровенно не интересует».

«Какое-то время интересовала, а сейчас уже нет».

Примечательно, что некоторые участники фокус-групп затруднились с ответом даже на столь простой вопрос – либо, что более вероятно, уклонились от ответа на него. Еще более туманно респонденты характеризовали интерес к политике граждан Молдовы в целом. С ответом затруднился каждый второй. Среди остальных одни твердо убеждены в том, что население интересуется политикой, другие столь же твердо это отрицают:

«Если смотреть на сегодняшнее состояние нашей страны, думаю, всех интересует».

«Не имеют времени, потому что все люди унывают, потому что не верят абсолютно ни во что».

В этом контексте ценность ответов на вопрос о предпочтительной форме правления (как и на все остальные), конечно, невысока. И все же представляет интерес, что действующая парламентская республика имеет гораздо меньше сторонников, чем республика президентская или даже монархия:

«Мне нравится пример Румынии, где у президента есть слово – дал указания, они исполнились. Нет столько споров, разговоров и влияния. Все что сказал президент, исполняется. И страна не теряет время, двигается дальше».

«Президентская. Я считаю, что должен быть один человек, который управляет страной. Который будет знать, какие есть проблемы, какие решились и какие нет. А когда управляют все, каждый со своим мнением и поступает так, как, по его мнению, лучше. И в результате ничего».

«Может вот даже какой-то господарь, царь – человек, ну там не знаю, идеал какой-то, чтоб было уважение от народа к нему, ну не знаю, какое-то подражание ему».

Причем в качестве исторических прецедентов успешного монархического правления респонденты упоминают правление не только молдавского князя Штефана чел Маре, но и валашского князя Влада Цепеша, также известного как Дракула.

Представления участников фокус-групп о политических институтах Молдовы опять-таки размыты, расфокусированы. Кто-то убежден, что *«все принимают участие, но никто ничего не решает»*. Другие считают, что *«на данный момент вся сила в правительстве»*, третьи выделяют парламент (*«фракции в парламенте, которые большинство – решают»*) четвертые – президента (*«ну, а кто же, как не президент, он же у власти»*). Однако есть основания считать это вполне здоровой оценкой ситуации, неплохо согласующейся с экспертными мнениями. Реальная власть в Молдове не институциона-

лизирована, находится «в тени», хотя иногда и пытается из нее выйти:

«За спиной президента и правительства стоит кто-то, кого мы не видим, который на самом деле управляет».

«Большинство из них бизнесмены, которые достигли чего-то в жизни. У которых есть деньги, но они хотят и статуса, и публичной должности. Чтобы они были видимые, чтобы могли больше влиять. Показать, что они кто-то и что-то из себя представляют. Будучи в бизнесе, они не такие видимые. У них деньги, деньги играют большую роль сегодня, и все это очень хорошо знают».

Политическое участие граждан Молдовы описывается респондентами как, с одной стороны, имеющее место, с другой стороны, заведомо неэффективное – вне зависимости от тех довольно разнообразных форм, которые оно принимает:

«Мы вообще-то участвуем в политике, когда голосуем».

«Ты должен стать членом политической партии и вовлекаться во всю деятельность политической партии».

«В политике – это протесты... какую-то программу написать протеста».

«Участвовать в собраниях напрямую с мэрами, депутатами».

«Вот мы тут собрались и говорим о политике, значит, мы что-то делаем политическое на данный момент»

«Просто на нас не обращают внимания».

Мотивы политического участия могут иметь и идеальный характер, и прагматический, и основываться на личном доверии:

«Это надежда какая-то, на лучшую жизнь, на какое-то светлое будущее».

«Есть люди, которые работают в каких-то компаниях, в государстве, в «Молдтелекоме», и там проводилась агитация за определенную партию... и там было так, что будете голосовать за этого человека, если нет, то у вас будут проблемы с работой».

«Голосуем за человека, который знает страну, и за настоящее, и выбираем этого человека».

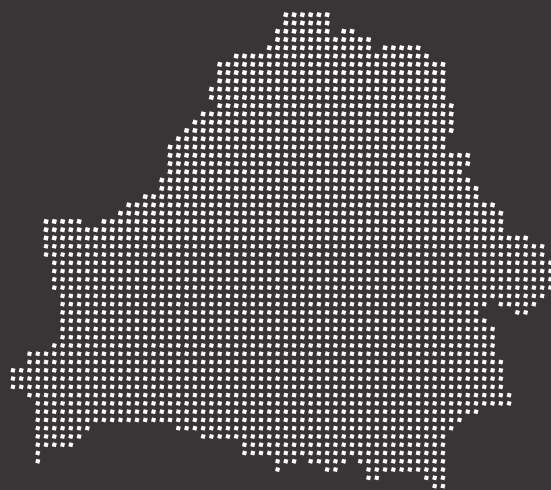
Но все более распространенной позицией становится абсентеизм:

«Я не участвую, так как уже нет доверия к людям».

«Я персонально не был, потому что был в ночную смену и должен был поехать в село, чтоб взять талон, чтоб мог голосовать в городе. Я не смог это сделать».

«Просто устал народ, одни только обещания, обещания, обещания, и ничего не делается».

«Есть многие, кому безразлично».

БЕЛАРУСЬ

МОЛДОВА

АЗЕРБАЙДЖАН

КЫРГЫЗСТАН

РЕЗЮМЕ:

ЧЕТЫРЕ СТРАНЫ, ЧЕТЫРЕ ТРАНЗИТА.

РЕЗЮМЕ: ЧЕТЫРЕ СТРАНЫ, ЧЕТЫРЕ ТРАНЗИТА.

Базовые гипотезы, положенные в основу исследования, можно считать подтвердившимися: страны, где оно проводилось, достаточно схожи между собой, чтобы быть сравнимыми. Их элиты обладают достаточно хорошо профилированными представлениями о политической культуре собственных наций, и эти представления с достаточной полнотой могут быть реконструированы при помощи экспертных интервью. Материалы фокус-групп с участием представителей массовых слоев населения способны стать достаточно эффективным контрольным тестом для проверки адекватности экспертных оценок. Полученная таким образом информация в целом достаточно конформна суждениям представителей элит (следует принять во внимание, что уровень гражданского интереса к политике участниками фокус-групп повсеместно оценивается как высокий или по меньшей мере повышенный). Во всех этих утверждениях слово «достаточно» не означает «идеально». Оно означает только то, что нарушаются эти соответствия значимо реже, чем подтверждаются (хотя, конечно, во всех случаях такие сбои требуют специального внимания). Вместе с тем полученные результаты оказались в некоторых отношениях нетривиальными.

ЧЕРТЫ СХОДСТВА

Сходство политических культур всех четырех стран задано, прежде всего, их общим советским прошлым, продолжающим оказывать на них колоссальное или даже определяющее влияние. Несколько слабее воздействие этого фактора только в Кыргызстане, в котором элементы догосударственной кочевой культуры более влиятельны, чем советское и досоветское (имперское) прошлое.

Далее, современные политические культуры всех четырех стран в значительной степени трансформировались и оформились под воздействием обстоятельств постсоветского транзита, состоявшего в более или менее радикальной вестернизации политических институтов и практик. Воздействие это оказалось несколько менее важным для Беларуси и Кыргызстана, чем для Азербайджана и Молдовы, но все равно было и остается чрезвычайно сильным.

При этом – и, видимо, именно поэтому – для всех исследуемых случаев характерна уверенность в сильной зависимости национальных элит от внешних стейкхолдеров (за исключением Молдовы, где эта зависимость оценивается как значительная, но не абсолютная). В числе их неизменно называются обобщенный «Запад» (как правительства европейских стран и США, так и негосударственные фонды и агентства) и Россия – исключительно в своем правительственном измерении. Прочие субъекты внешнего влияния упоминаются факультативно; всякий раз эти упоминания легко объяснимы местной спецификой (Китай в Кыргызстане, Румыния в Молдове).

В результате перечисленных воздействий политические культуры всех четырех стран приобрели ярко выраженные индивидуальные черты. Некоторые сомнения в собственной уникальности высказываются только в Азербайджане – что, скорее всего, объясняется не вполне осознваемым стремлением компенсировать коллективную травму «замороженного конфликта» с Арменией утверждением собственной «нормальности», стремлением представить себя страной и народом «как все».

Везде наблюдается недовольство качеством и эффективностью национальных политических институтов. Крайних степеней оно достигает в Кыргызстане и Молдове, оценки азербайджанских и белорусских институтов в среднем несколько более позитивны, но все равно довольно низки.

К тому же политические институты в трех из четырех случаев описываются как чрезвычайно коррумпированные. Значимым исключением тут является Беларусь. Даже если принять на веру то высказанное некоторыми экспертами предположение, что здешняя коррупция просто вытеснена снизу и перемещена на самые верхние этажи политической иерархии (что делает ее недоступной наблюдению и измерению), из повседневной жизни населения Беларуси коррупция, похоже, удалена.

На этом черты сходства между политическими культурами четырех постсоветских наций заканчиваются. Таков первый неожиданный результат исследования – обычно принято считать, что их гораздо больше. В действительности же далее начинаются различия. И существенные.

СПЕКТР РАЗЛИЧИЙ

Так, полностью соответствующими мировым (скорее в смысле «западным») стандартам считают свои политические институты только азербайджанские эксперты. Частично соответствующими – кыргызстанские и молдавские, правда, в основном в том, что касается их формального строения. В Беларуси констатация несоответствия институтов мировым («западным») нормам является практически консенсусной позицией, причем многими экспертами это не воспринимается как проблема.

С ценностями же и установками национальной политической культуры институциональный дизайн гармонирует только в Азербайджане и Беларуси (в последнем случае – с серьезными оговорками, которые будут

сделаны ниже). В Молдове – нет. Самая нетривиальная ситуация наблюдается в Кыргызстане – здесь такая гармония носит лишь частичный характер, что, однако, не воспринимается как источник сколько-нибудь серьезных проблем. Такое впечатление, что для носителей кыргызстанской политической культуры институты вообще не имеют особого значения – возможно, как раз по причине ее, отмеченного выше, архаического, то есть, строго говоря, дополитического или протополитического характера.

Это, кстати, один из тех моментов, в которых материалы фокус-групп хорошо исполняют изначально предназначавшуюся им роль контрольного теста. Азербайджанские представители массовых слоев населения воспринимают свои институты как близкие к идеалу – оценки конформны. В Молдове институты идеалу не соответствуют – оценки рядовых граждан и экспертов также конформны. Участники кыргызстанских фокус-групп не смогли дать на поставленный перед ними вопрос сколько-нибудь внятных ответов, что опять же служит подтверждением конформности – институты вообще никак не соотносены с идеалом, никакое их устройство попросту не входит в состав соответствующего комплекса смыслов и ценностей. А вот белорусские институты, с точки зрения масс, от идеала весьма далеки, что автоматически ставит под сомнение достоверность экспертных суждений. Похоже, что здесь разрыв между институтами и культурой все же есть – и при этом в экспертной рефлексии он радикально недооценен. Дополнительно подтверждается это предположение тем, что только белорусские участники фокус-групп демонстрируют достаточно адекватные представления о деталях институционального дизайна собственного государства, в этом отношении ничуть не расходясь с экспертами (во всех остальных странах рядовые граждане, как и следовало ожидать, представляют институциональные конструкции и механизмы взаимодействия в их рамках гораздо более туманно, чем представители элит).

Что касается самого институционального дизайна, то в Азербайджане и Беларуси он описывается как моноцентрический, с безусловным доминированием президентской власти. В Кыргызстане и Молдове моноцентризм отсутствует (о чем отдельные эксперты высказываются с открытым сожалением).

Взаимоотношения между политическими институтами характеризуются как партнерские только в Азербайджане. В Беларуси какое бы то ни было партнерство политических институтов отрицается (что совершенно не означает конфликтности их взаимодействий, скорее указывая на незначимый, декоративный характер всех институтов, кроме президентского). В Молдове партнерство также отрицается, но по диаметрально противоположным причинам – здесь конфликтность политического процесса близка к предельному состоянию «войны всех против всех». Применительно к Кыргызстану оценки неоднозначны и противоречивы.

Впрочем, даже в условиях сколько-нибудь выраженного институционального партнерства процесс принятия политических решений все равно почти нигде и почти никогда не носит коллегиального характере-

ра. В Азербайджане и Молдове коллегиальность отсутствует вообще, в Беларуси и Кыргызстане встречается эпизодически (Кыргызстан, таким образом, продолжает подтверждать свой статус самого необычного объекта из всех исследуемых – в чем, однако, разумнее видеть не проблему Кыргызстана, а проблему адекватности применяемого к нему категориального аппарата).

Можно было бы выдвинуть гипотезу, что значения этих двух переменных – партнерство и коллегиальность – должны как-то коррелировать с присутствием или отсутствием в национальной политической культуре установок, собирательно определяемых как «терпимость, толерантность, миролюбие». Однако такой корреляции нет. Эксперты приписывают эту черту только Азербайджану (вместе с «партнерством», но при в отсутствие «коллегиальности» – такую комбинацию, особенно в сочетании с моноцентризмом, можно интерпретировать как специфическую разновидность «миролюбия») и Беларуси (без «партнерства», с эпизодической «коллегиальностью» и в купе с моноцентризмом). В «нетолерантной» Молдове нет ни «партнерства», ни «коллегиальности», ни моноцентризма. Наконец, в «нетолерантном» Кыргызстане моноцентризма тоже нет, но «коллегиальность» все же случается, а что такое «партнерство», просто никто не знает.

Открытость и публичность политических институтов также оцениваются по-разному – в Азербайджане и Беларуси как низкие (во втором случае – с той оговоркой, что огромная публичная активность президента Лукашенко все же не синонимична институциональной открытости и, будучи сама по себе неоспоримой, не компенсирует ее дефицит), в Кыргызстане и Молдове – как высокие.

Здесь вновь обнаруживается неожиданное отсутствие корреляции, которая логически и сообразно мировому опыту, казалось бы, должна наблюдаться – между открытостью институтов и доверием к ним. Закрытые институты Азербайджана пользуются безусловным доверием. Доверие к столь же закрытым белорусским институтам носит очень зыбкий, неустойчивый и неоднозначный характер. Открытым институтам Кыргызстана и Молдовы граждане почти или совсем не доверяют (впрочем, отсутствие иллюзий может быть как раз эффектом открытости).

В Азербайджане и Беларуси политическое участие населения находится на низком уровне – тут единодушны и эксперты, и респонденты фокус-групп. В Кыргызстане уровень реальной вовлеченности граждан в политику экспертное сообщество оценивает заметно выше, чем представители массовых слоев населения (и при этом, похоже, заблуждается относительно мотивов такой вовлеченности, преувеличивая удельный вес идеальных стимулов и преуменьшая значимость прагматических). Молдавские эксперты вообще не смогли сколько-нибудь согласованно оценить уровень массового политического участия, в то время как фокус-группы определили его как скорее средний.

Наконец, значимые межстрановые различия наблюдаются в оценках численных пропорций лояльного, индифферентного и оппозиционного настроенного дивизионов населения – то есть одного из ключевых показателей, влияющих на политическую стабильность. Проще всего и одновременно непонятнее всего ситуация в Молдове – здесь экспертные суждения оказались настолько противоречивы, что сделать на их основе сколько-нибудь обоснованные выводы (тем более прогнозы) не представляется возможным. В Азербайджане преобладает лояльность, затем следует безразличие, оппозиционность им обеим безоговорочно уступает. В Беларуси же и Кыргызстане, при всех режимных и культурных различиях между этими странами, пропорции сходны: доминирует индифферентность, за ней с большим отрывом следует лояльность, наименьший вес имеют оппозиционные настроения.

Очевидно, что «ментальная карта» политических культур постсоветского пространства пока выглядит весьма мозаично. Однако некоторые существенные выводы, критически важные для решения задач политического прогнозирования, планирования и управления, из нее все-таки можно (и нужно) сделать.

ИСТОЧНИКИ НАПРЯЖЕНИЙ

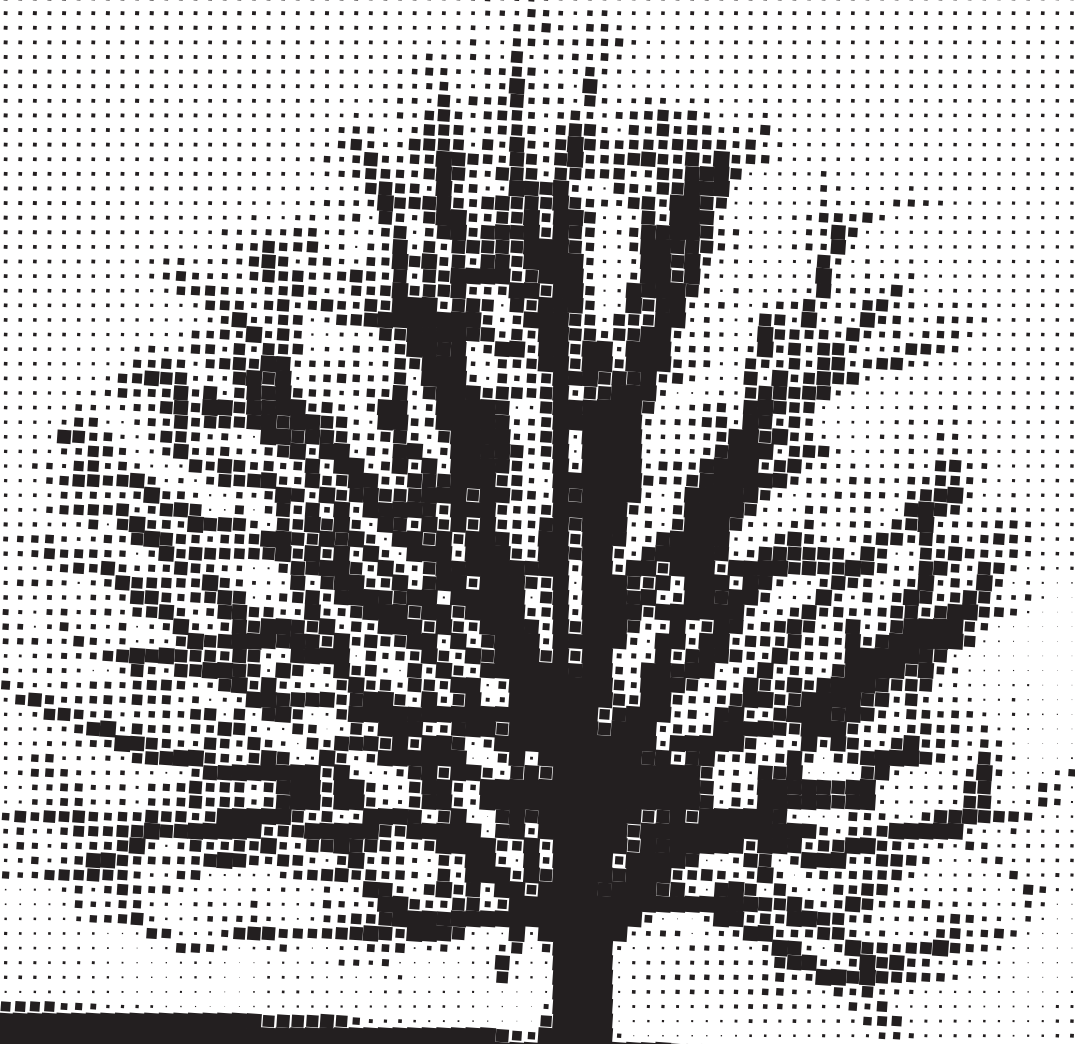
Существует привычная, инерционно воспроизводящаяся дихотомия, согласно которой политические режимы Азербайджана и Беларуси скорее тяготеют к полюсу порядка/автократии/стабильности, а Кыргызстана и Молдовы – к полюсу анархии/демократии/нестабильности. Выбор тех или иных терминов тут зависит от идеологических, ценностных и вкусовых предпочтений наблюдателя, но мало меняет саму структуру сопоставления. Она действительно имеет под собой весомые основания. Однако перенос фокуса внимания с характеристик собственно режимов на соотношения и сопряжения политических режимов и политических культур, на степень, глубину и качество их согласованности, на поиск напряжений или даже разрывов между ними способен ее несколько скорректировать, усложнить и уточнить.

Исследование показало, что реальная кластеризация четырех изученных постсоветских стран выглядит не совсем так, как принято думать. Какими бы ни были политические режимы Азербайджана и Кыргызстана и как бы эти режимы ни называть, они – что в целом, что в отдельных своих чертах – соответствуют политическим культурам этих стран или, по крайней мере, не находятся с ними в прямом конфликте. В этих двух случаях – по совершенно разным причинам – нет видимых оснований прогнозировать какие-либо крупные, системные политические трансформации. Для Азербайджана это означает устойчивость моноцентризма; для Кыргызстана – «устойчивость неустойчивости» и даже, не исключено, очередную «революцию», которая, впрочем, мало изменит основы политического уклада. А стало быть, в обоих случаях в нынешний формат партнерства России с этими странами вряд ли потребуется вносить сколько-нибудь существенные коррективы.

В Беларуси и Молдове разрыв между политическими режимами и политическими культурами есть. В Молдове он эксплицирован, вынесен на поверхность. В Беларуси его наличие эксплицитно – то есть при ответе на прямо заданный вопрос – отрицается. Но отрицается с нескрываемым раздражением (обращенным и к режиму, и к культуре, которая с этим режимом мирится). Одновременно и эксперты, и участники фокус-групп высказывают такое колоссальное количество предметных претензий к белорусской политической реальности, что их же собственные утверждения о соответствии существующего режима политической культуре Беларуси, да и описания этой культуры (носителями которой они сами же и являются), делаются сомнительными – особенно в сравнении с Азербайджаном, в котором ничего подобного не наблюдается. Похоже, «*политико-культурный синтез*» в Беларуси не состоялся. Точнее, он является мнимым, воображаемым, отчасти симулятивным – а под симулятивной завесой кроется глубокий разрыв между режимом и культурой. Безусловно, его смягчает и микширует пресловутое белорусское «терпение», а также ярко выраженная фобия «войны» (какой и с кем, совершенно непонятно; но сама фобия остается мощным социальным фактом). Однако даже эти компенсаторные механизмы в состоянии приглушить болезненный разрыв, но не отменить его. К тому же истинная величина ресурса «терпения» неизвестна, не может быть измерена. Исторический опыт подсказывает, что такие ресурсы исчерпываются внезапно.

В обоих случаях этот разрыв глубок настолько, что способен стать причиной крупных, даже парадигматических перемен. Любое политическое сообщество, в силу сформулированного Толкоттом Парсонсом «*первого закона социальных процессов*» («*тенденция процесса взаимодействия к самосохранению*»), ищет способы его преодоления – и либо находит их, либо перестает существовать. Конкретные векторы, контуры и сроки этих перемен собранный эмпирический материал предсказать, конечно, не позволяет. Но довольно очевидно, что такие перемены со всей неизбежностью приведут к пересмотру страновых внешнеполитических ориентаций – возможно, внезапно, скорее всего, радикальному и потому особенно болезненному для России как одного из генеральных внешних стейкхолдеров как Беларуси, так и Молдовы. Что следовало бы иметь в виду и к чему стоило бы подготовиться.

Проведенное исследование открыто для критики. Более того, оно для нее действительно уязвимо. Прочный доказательный фундамент под процесс принятия внешнеполитических решений, затрагивающих национальные интересы России на постсоветском пространстве, будет подведен тогда, когда будет увеличено количество исследуемых случаев (до максимально возможного технически и политически). Когда избирательные действующие социологические инструменты (экспертные интервью и фокус-группы) будут дополнены массовыми опросами по репрезентативным общенациональным выборкам. Когда эти зондажи станут регулярными и тем самым позволят отслеживать не только разовые срезы состояния политических культур, но и их динамические перемены. Пока ничего из этого не сделано. Но результаты выполненного экспериментального исследования с достаточной определенностью показывают: все это надо делать. Еще римляне знали: «*Praemonitus praemunitus*». «*Кто предупрежден, тот вооружен*».

ПРИЛОЖЕНИЕ 1: ДЕРЕВЬЯ СМЫСЛОВ

«Дерево смыслов» – это древовидный граф, отображающий взаимосвязи и структурированную иерархию между смысловыми категориями, в данном случае, являющимися элементами политической культуры. Смысловые категории («листья») в связях («ветвях») связаны по принципу «общее-частное», то есть существует категория - «родитель» (гипероним), которая имеет связь с категорией - «ребенком» (гипоним) менее высокого (менее общего) уровня (по типу дерева семантики).

Предлагаемые деревья смыслов отражают схему употребляемых в текстах экспертных интервью лексических единиц, используемых участниками исследования при описании политической культуры страны, а так же последовательность и логику связей их употребления. Предлагаемые деревья не отражают саму политическую культуру стран в том виде, как она есть, они лишь демонстрируют смыслы в экспертной рефлексии при описании понятия применительно конкретной страны.

Составление деревьев смыслов в предполагаемом контексте имеет целью конкретизацию, структуризацию текстов экспертной рефлексии. Данная работа носит прикладной характер, помогая читателю лучше понять результаты исследования, сделать их более наглядными, в сравнении с текстовым вариантом, сконцентрировать внимание на ключевых смыслах, используемых конкретными экспертами в рамках конкретного исследования при описании политической культуры конкретной страны.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА К «ДЕРЕВУ СМЫСЛОВ»: РЕСПУБЛИКА АЗЕРБАЙДЖАН.

Политическую культуру Республики Азербайджана в представлении экспертного сообщества (в рамках исследования) отражают две ключевые категории. Политическая культура Азербайджана с точки зрения специфики её содержания в страновом контексте описывается категорией «особенная». Смысловая ветвь категории включает в себя ряд основополагающих для страны условий политического развития, которые, в конечном счете, образуют прямую зависимость с восприятием политической культуры. С точки зрения поведенческого и институционального наполнения политическую культуру Республики эксперты ассоциируют с «властью». Смысловая ветвь, формируемая этой категорией, включает в себя наибольшее число смысловых единиц рефлексии политической культуры страны.

Говоря о политической культуре Республики Азербайджан «особенная», эксперты предполагают тонкости жизни в «религии» - речь о так называемом «западном исламе». Говорить об этом важно, ведь именно с религии начинает формироваться ключевая для экспертного восприятия характеристика «особенной» политической культуры – способность достигать «компромисса». К этой категории ведут и особенности «географии», отмеченные экспертами. Среди ключевых позиций отмечается положение республики в отношении «Ирана», баланса «Восток-Запад», а также поиска компромиссов между «Россией и Турцией».

«Компромисс» воспринимается как прямое следствие важной для экспертов характеристики политической культуры страны – «сдержанности». Она же одна из немногих в рамках исследования отсылок экспертов к «Нагорному Карабаху».

Связующим звеном особенностей политической культуры и восприятия власти выступает понимание «зависимости» - в конкретном случае властных «элит», в том числе от «нефти», отражающей наследие «СССР» (наряду с историко-политическим сравнением Республики Азербайджан с другими постсоветскими Республиками, например, с «Украиной»).

Помимо зависимости элит власть ярко ассоциируется с процессом «строительства» «демократии», которая на сегодняшний день имеет «имитационный характер». Во многом такая ситуация связана с высокими позициями «президента», пользующегося значительными «поддержкой» и «доверием», тем не менее «ограничивающим» деятельность других акторов политики и формирующим «единоначалие» в стране.

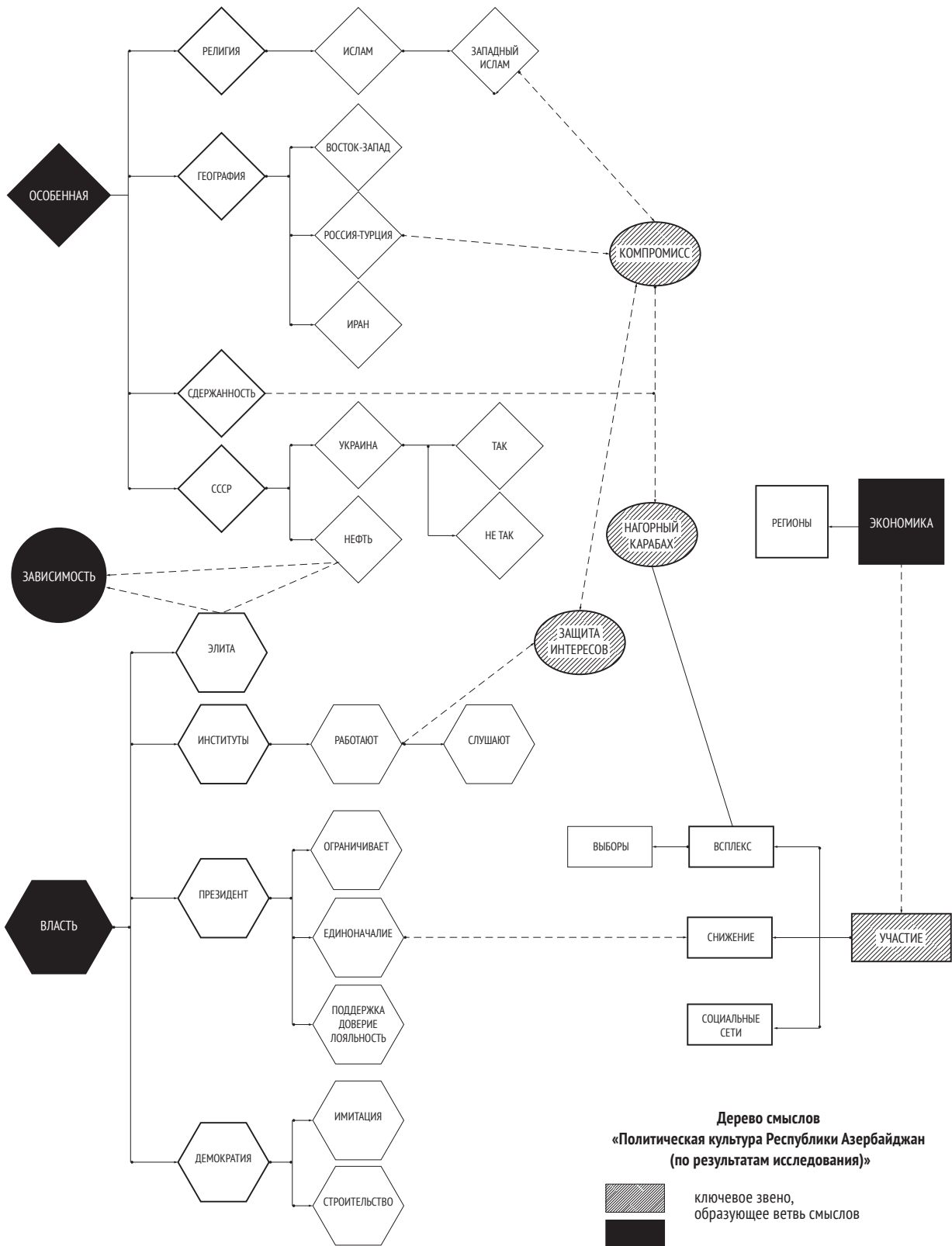
«Институты» «власти» в целом имеют положительные коннотации в смысловом поле политической культуры республики. Чаще всего «институты» употребляются с категориями «работают», «защищают интересы». Тем не менее, конкретных показателей институтов власти (за исключением института президентства) в смысловом поле «власти» нет. Чаще всего речь идёт о том, что в политических институтах страны граждан лишь «слушают», редко имплементируя поступающие запросы.

Существуют и иные ключевые ветвеобразующие категории в экспертной рефлексии о политической культуре Республики Азербайджан. Речь идёт об «участии», имеющем ряд тенденций:

- на «снижение» (которое в свою очередь звучит и в отсылках к «единоначалию» «президента» во властной системе);
- на переход в «социальные сети»;
- на «всплесковый» характер практик массового участия (чаще всего в связи с «выборами», либо обострением проблемы «Нагорного Карабаха»).

Экономическая сфера в политической культуре отображена в логической связи «причина-следствие» с «участием».

Стоит отметить, что приведенные смыслы релевантны и адекватны экспертному восприятию политической культуры Республики Азербайджан исключительно в фарватере настоящего исследования.

Дерево смыслов
«Политическая культура Республики Азербайджан
(по результатам исследования)»

- ключевое звено, образующее ветвь смыслов
- логическая связь между звеньями одной ветви «с чем употребляется»
- логическая связь между звеньями разных ветвей «с чем употребляется»

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА К «ДЕРЕВУ СМЫСЛОВ»: РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ.

Ключевые ветви смыслов в восприятии экспертами политической культуры Республики Беларусь формируют категории «власть», «национальный характер», «оппозиция», «Россия» и «Европа». Стоит отметить, что в рамках восприятия политической культуры экспертами Беларуси, кросс-смысловые связи имеют все 4 ветви.

Центральными смыслами в описании политической культуры Республики Беларусь можно считать категории «власть» и «национальная культура», как ключевые звенья наиболее разветвленных ветвей смыслов и наиболее часто употребляемые характеристики.

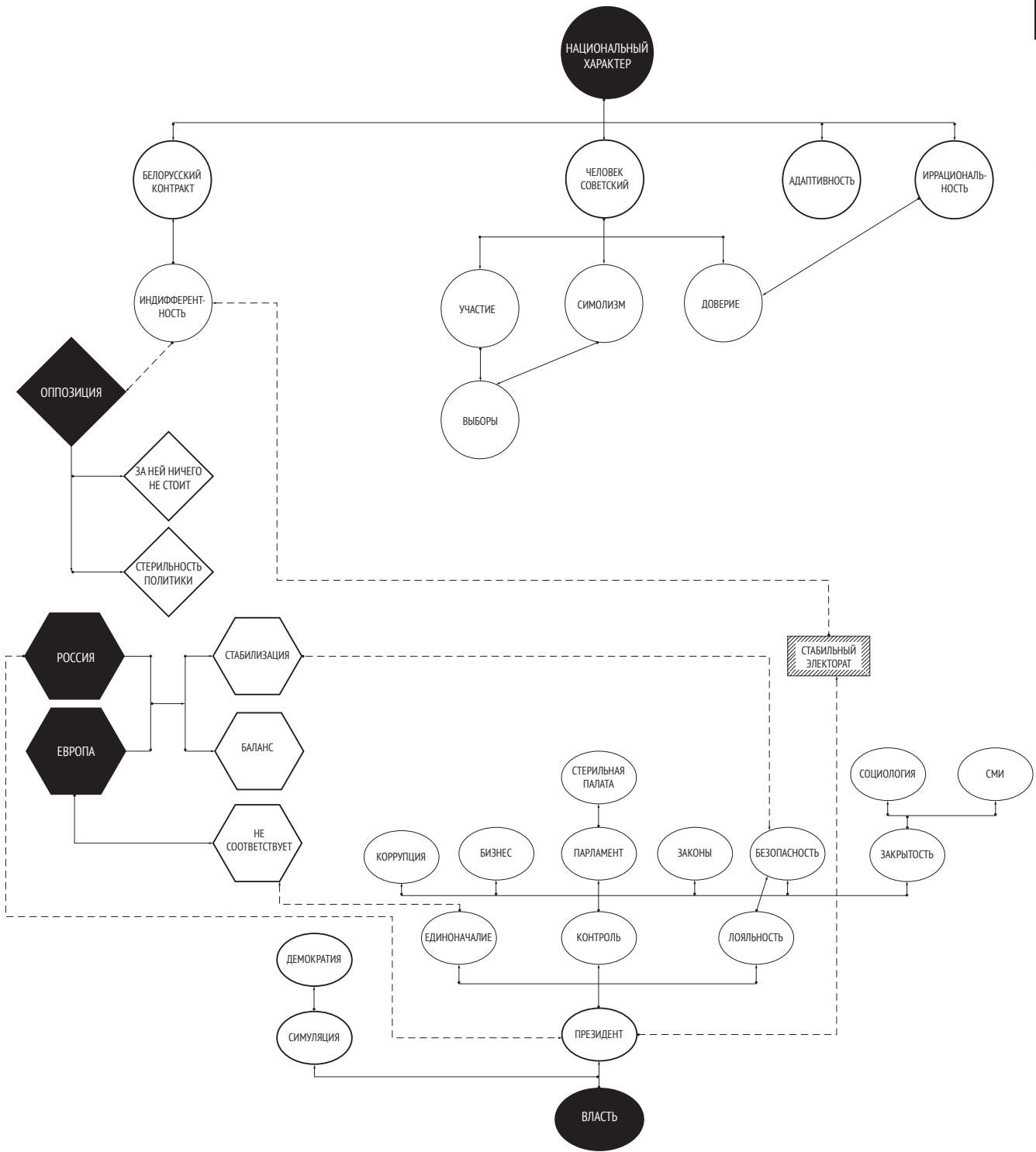
Центральной фигурой в представлении о политической культуре как о «власти» является «президент», предполагающий «контроль» в 6 смысловых категориях политической культуры («парламент», «бизнес», «коррупция», «СМИ», «безопасность»). Интересно, что именно в Беларуси присутствует единственная двусторонняя смысловая связь взаимозависимости между категориями «бизнес» и «коррупция». Это свидетельствует о значительном упрочнении взаимосвязи данных смыслов в рамках представлений о президентском «контроле» в политической культуре в сравнении с другими связями.

Роль «президента» в рефлексии политической культуры определяет пересечение ветвеобразующих ветвей «власть» и «национальный характер» в категории «стабильный электорат». «Стабильный электорат» часто употребляется как составляющая «адаптивности» - качественной характеристики политической культуры с точки зрения национальных особенностей. Своеобразная черта раскрывающих особенности смыслов - их контекстуальное сходство. Категории «человек советский», «белорусский контракт», «иррациональность» и «адаптивность» характеризуют политическую культуру склонной к «индифферентности» и «символизму».

«Индифферентность» как национальная черта политической культуры Республики (в восприятии экспертов) образует тонкую и нетипичную связь, следствием которой является ветвеобразующая категория - «оппозиция». Сама «оппозиция» в контексте политической культуры воспринимается несерьёзно ввиду «стерильности» политической среды.

Экспертное восприятие политической культуры Беларуси отражают смысловые отсылки к «России» и «Европе». По отношению к этим странам локальная политическая культура находится в состоянии баланса, однако именно эти категории связывают влияние стран на категории, характеризующие «власть».

Стоит отметить, что приведенные смыслы релевантны и адекватны экспертному восприятию политической культуры Республики Беларусь исключительно в фарватере настоящего исследования.

Дерево смыслов
«Политическая культура Республики Беларусь
(по результатам исследования)»

- ключевое звено, образующее ветвь смыслов
- логическая связь между звеньями одной ветви «с чем употребляется»
- логическая связь между звеньями разных ветвей «с чем употребляется»

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА К «ДЕРЕВУ СМЫСЛОВ»: РЕСПУБЛИКА КЫРГЫЗСТАН.

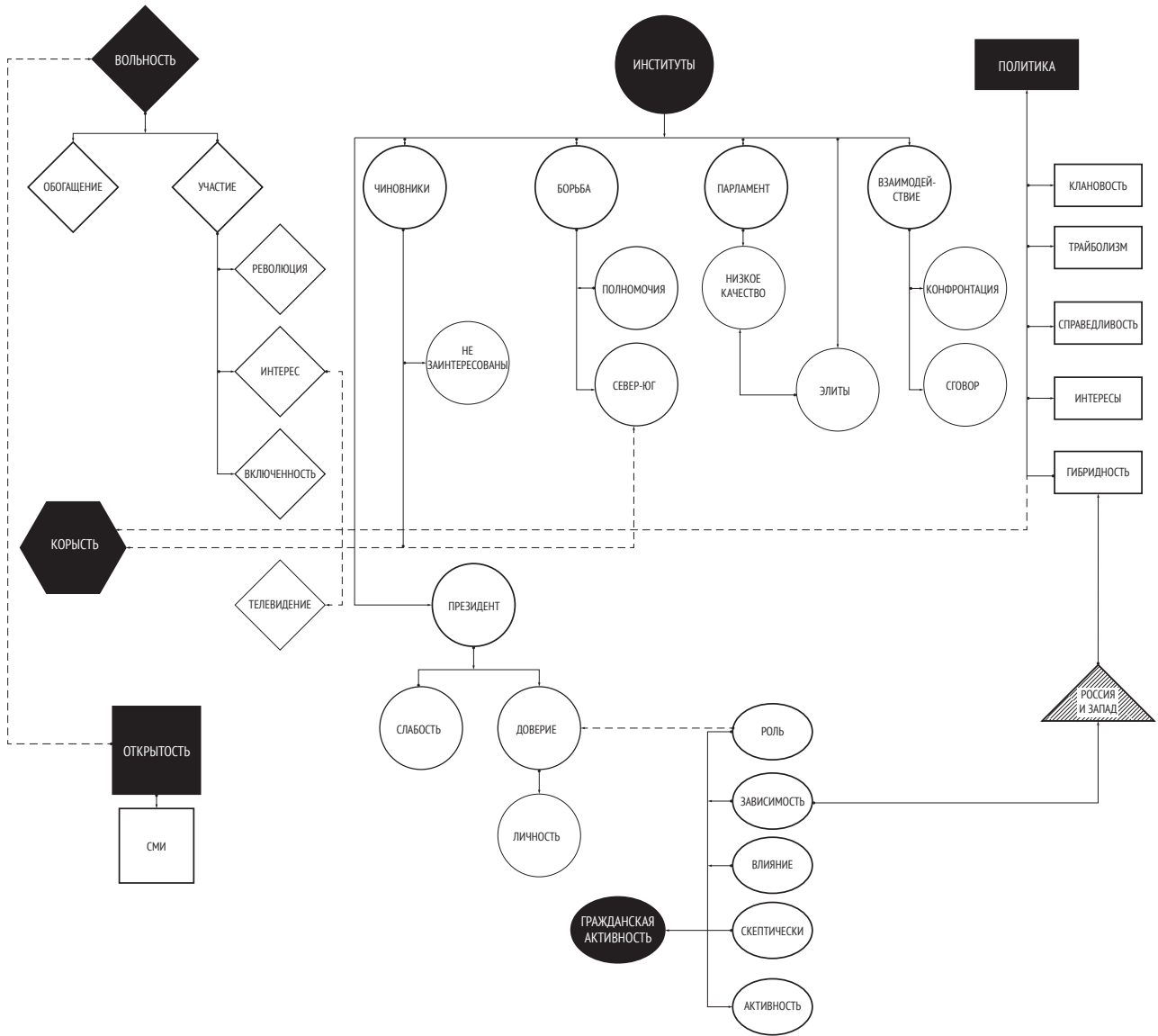
Экспертное восприятие политической культуры Республики Кыргызстан имеет наибольшее количество ветвеобразующих категорий.

«Политика» - категория, включающая в себя исключительно ценностные характеристики, наполняющие политическую культуру республики, которые часто вступают в коннотационные разногласия: «справедливость» находится в одном смысловом ряду с «корыстью», «клановостью», и стремлением к достижению личных «интересов» акторами политики в своей деятельности. Говоря о политике в политической культуре Кыргызстана, эксперты часто ссылаются на «гибридность», которая является одной из двух существующих отсылок к влиянию «России и Запада» на политическую культуру страны.

Одной из раскрывающих «политику» категорий является восприятие «борьбы» – категории 2-го порядка ветвеобразующего смысла «институты». С точки зрения «борьбы» характеризуются не только категории с вертикальной связью («полномочия»), но и однопорядковые категории – «парламент» и «чиновники». Доказательства тому – сходные категории, раскрывающие последние смыслы, например, «сговор» и «конфронтация» в продолжении категории «парламент». Общим смыслом для «институтов» можно считать отсылку к «слабости» ключевых наполняющих его организаций. Данное положение проявляется и в отношении «президента», сильно зависящего от восприятия «личности».

Политическую культуру республики характеризует категория «активность». Интересно, что для описания политической культуры категория «участие» включена в «активность», а не наоборот. С другой стороны, существование «активности» как одного из ключевых смыслов объясняется его широким содержанием: от «революции» как её проявления до «корысти» как её основания. При этом «гражданская активность» – выступает отдельной ветвеобразующей категорией и рассматривается в контексте политической культуры с точки зрения «роли» гражданской активности и отношения к ней среди населения в политической жизни страны.

Стоит отметить, что приведенные смыслы релевантны и адекватны экспертному восприятию политической культуры Республики Кыргызстан исключительно в фарватере настоящего исследования.

Дерево смыслов
«Политическая культура Республики Кыргызстан
(по результатам исследования)»

- ключевое звено, образующее ветвь смыслов
- логическая связь между звеньями одной ветви «с чем употребляется»
- логическая связь между звеньями разных ветвей «с чем употребляется»

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА К «ДЕРЕВУ СМЫСЛОВ»: РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА.

Смысловые ветви восприятия политической культуры в Республике Молдова значительно шире развернуты, чем в смысловых ветвях других стран. Это свидетельствует о более глубоком погружении экспертов в анализ политической культуры Республики. Четыре ключевых категории образуют смысловое наполнение политической культуры с точки зрения её качественных характеристик («раскол», «отличается»), структурного отображения («политический порядок»), особенностей («национальная традиция»), которые довольно часто пересекаются друг с другом в одних и тех же категориях.

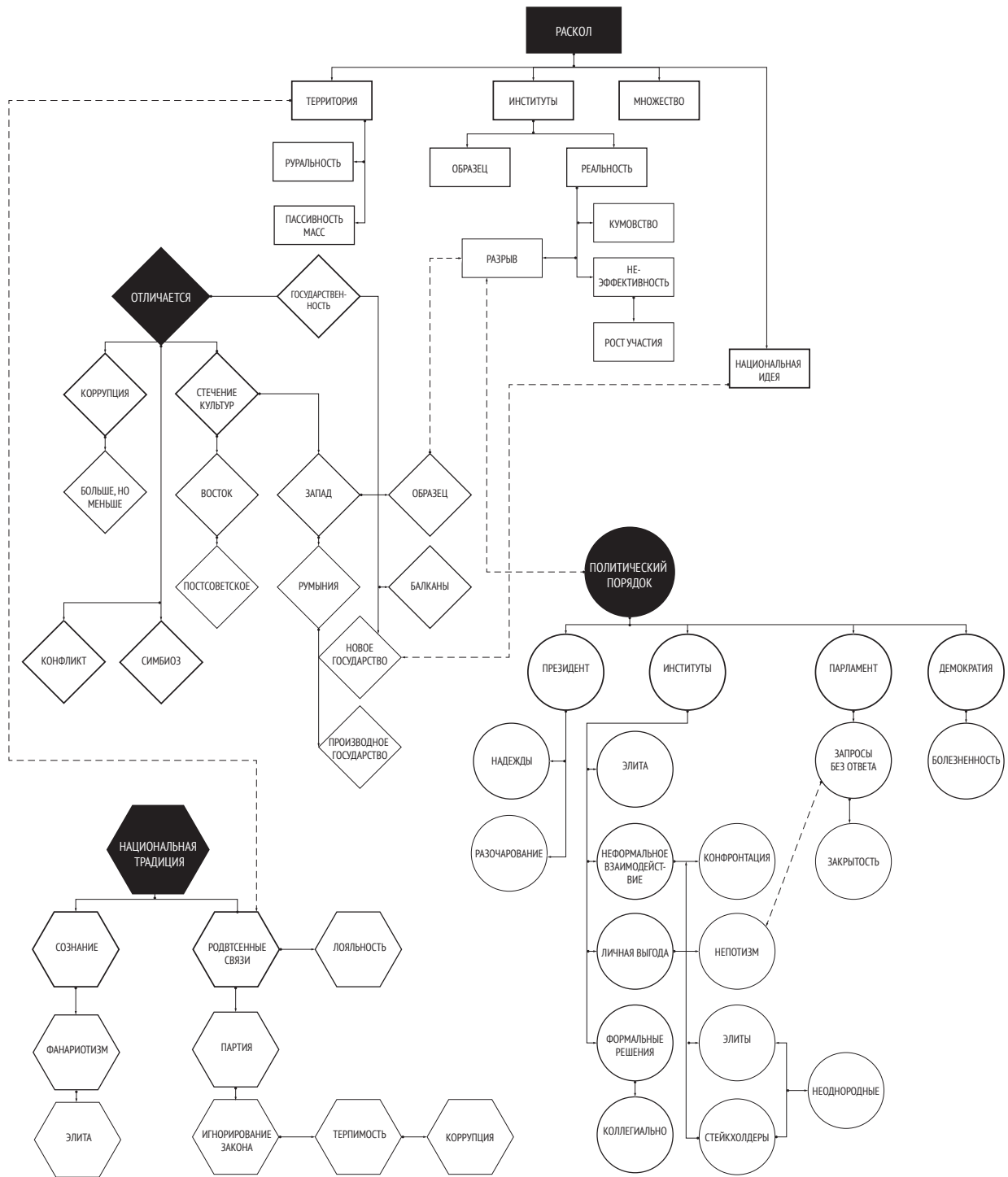
«Политический порядок» ассоциируется у экспертов с довольно противоречивыми характеристиками «президента» – «надежды» и «разочарования», отзывами о неэффективности «парламента» («вопросы без ответа»), иными характеристиками политических «институтов» в целом. Экспертам наиболее очевидна связь «политического порядка» с методами принятия решений, «элитами», целями субъектов «порядка» через «институты». Большинство из этих категорий имеют смысловое продолжение с «причинным» видом связи («непотизм» для «личная выгода») и связи типа «свойства» («неоднородные» для «элиты» и «стейкхолдеры»).

Однопорядковые по содержанию и смыслу для «непотизма» категории «фанариотизм», «родственные связи», «игнорирование закона» формируют в экспертной рефлексии отдельную смысловую ветвь политической культуры – «национальная традиция».

При этом «национальная традиция» воспринимается как отдельный смысл, не входящий в ветвь «отличий» политической культуры, даже не смотря на то, что имеет с ней ряд общих категорий крайнего порядка (например, «коррупция»). Сами же отличия политической культуры Молдовы эксперты находят в «стечении культур», идее «государственности», переплетающейся с одним из следствий «стечения культур» - поиском идентичности на фоне «Румынии». Такие плотные отношения категорий в рамках рассматриваемой ветви логичны в связи с присутствием среди ключевых категорий всей ветви противоречащих характеристик – «симбиоз» и «конфликт».

«Раскол», как важная смысловая единица в восприятии политической культуры Молдовы, проявляется достаточно часто ввиду тесной связи с «институтами» (через характеристики «разрыва реальности» и «образца» в «неэффективном» функционировании институтов), отсылкам к «национальной идее» «нового государства» на фоне «Румынии», «территориальных» особенностей в контексте «национальных традиций» и «родственных связей».

Стоит отметить, что приведенные смыслы релевантны и адекватны экспертному восприятию политической культуры Республики Молдова исключительно в фарватере настоящего исследования.

Дерево смыслов
«Политическая культура Республики Молдова
(по результатам исследования)»

- ключевое звено, образующее ветвь смыслов
- логическая связь между звеньями одной ветви «с чем употребляется»
- логическая связь между звеньями разных ветвей «с чем употребляется»

ПРИЛОЖЕНИЕ 2: СХЕМА ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»

Политическая культура в рамках настоящего исследования понимается как система устойчивых исторически сложившихся ценностей, ориентаций, знаний и норм, политических представлений, убеждений и стереотипов, моделей поведения, оказывающих непосредственное воздействие на осуществление повседневных политических практик, функционирование ключевых политических институтов и принятие политических решений.

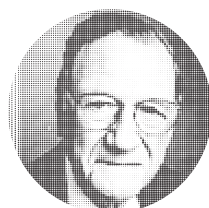
МАКС КААЗЕ: «Попытки прибить кисель к стене гвоздями». Так один из виднейших европейских исследователей политической культуры однажды охарактеризовал трудности работы с этим понятием.

ГАБРИЭЛЬ АЛМОНД: «субъективное измерение общественных основ политической системы, то есть совокупность всех политически релевантных мнений, позиций и ценностей субъектов конкретного социального и политического организма».

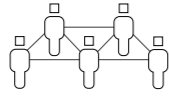
СИДНЕЙ ВЕРБА: «политическая культура выполняет функцию непосредственного контроля за системой политических взаимодействий».

ЛЮСИЕН ПАЙ: «совокупность ориентаций, мнений и убеждений, которые придают логику и смысл политическому процессу, обеспечивают основополагающие представления и нормы, управляющие поведением человека в политической сфере».

Рисунок 1: схема понятия «Политкультура»

оказывают влияние

КОГНИТИВНЫЕ РЕАКЦИИ

ориентации
взгляды, убеждения
чувства

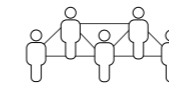
Классическое представление о политической культуре сформировано американскими исследователями-функционалистами Г. Алмондом, С. Вебрба, С. Липестом, Л. Паем. Политическая культура определяется как «система ценностей, глубоко укоренившихся в сознании мотиваций или ориентаций и установок, регулирующих поведение в ситуациях, имеющих отношение к политике».

ЛЕГИТИМНЫЕ НОРМЫ

нормы,
символы и традиции

Комплекс, матрица нормативных требований, образцов поведения человека в политике определяют второй подход к концептуализации политической культуры, разработанный С. Вайтом, Д. Плейно, М. Дагласом. Политическая культура «вводит» субъектов политики в контекст принятых в обществе норм и правил игры, направляя поведение к сложившимся стандартам и формам взаимодействия в конкретном политическом пространстве.

ДЕЙСТВИЯ

поведение
участие

В рамках третьего подхода, политическая культура воспринимается как стиль и способ политического поведения субъекта политики, воплощающего ценностные ориентации в практическое участие (Е. Вятр, Д. Пол, Р. Такер, С. Хантингтон). Т.е. реальное поведение определяется глубинными представлениями и убеждениями человека о мире политики.

СИСТЕМА

политический опыт
(осознание прошлого)
адаптация к настоящему, проектирование будущего

Четвертый подход к политической культуре (А. С. Панарин) определяет ее как «символическую систему, охватывающую политические традиции, нормы и ценности, политические идеалы и проекты будущего». Политическая культура сводит воедино три времени: прошлое, зафиксированное в политических традициях; настоящее, отражаемое в установках и нормах поведения людей, адаптирующихся к современной политической реальности; будущее, совмещающее вероятное, желаемое и должное.

теоретический уровень

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

практический уровень

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТЕХНОЛОГИЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ В РАМКАХ ИССЛЕДОВАНИЯ:

Теоретическая модель понятия политической культуры становится более применимой для исследования благодаря выделению ключевых характеристик политической культуры, отвечающих целям исследования:

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

• Общие характеристики политической культуры:

Как именно представляется политическая культура для самих граждан той или иной страны? Сделать это помогает уточнение представлений о политической культуре не только на общетеоретическом уровне, но и в практической сфере.

• Восприятие политических институтов:

Важной составляющей политической культуры в предлагаемом контексте выступает комплекс оценок эффективности функционирования политических институтов.

ТИПИЧНЫЕ, ОДОБРЯЕМЫЕ И ОСУЖДАЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

• Типичные, одобряемые и осуждаемые политические практики:

Данная характеристика определяет спектр социально-психологических характеристик когнитивного отклика на политический порядок.

• Политическое участие: конвенциональное и неконвенциональное

Конкретные формы политического участия характеризуют политическую культуру с точки зрения её зрелости.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ И НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ

Политическая культура постсоветских стран: экспертная рефлексия.

В данной брошюре представлены результаты социологического исследования политической культуры четырех государств постсоветского пространства - Азербайджана, Беларуси, Кыргызстана и Молдовы через четверть века после установления их государственной независимости.

Оформление: Олеся Полагута

Подписано в печать: 09.06.2017

Формат: 210x297 мм

ISBN: 978-5-86942-001-5

ООО «Фирма «АДАПТ» (ЦИРКОН™)

109028 г. Москва, ул. Солянка, дом 3, строение 1

тел./факс: +7 (495) 621-34-15; 628-51-67

info@zircon.ru, post@zircon.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии ответственной печати greenprinter.ru

105064, г. Москва, Нижний Сусальный переулок, д. 5, стр. 10

+7 (495) 933-34-23

+7 (495) 662-10-51

АНО «Социологическая мастерская Задорина» (ЦИРКОН™)

109028, г. Москва, ул. Солянка, дом 3, строение 1, офис 14

тел./факс: +7 (495) 621-34-15; +7 (495) 628-51-67

E-mail: info@zircon.ru, post@zircon.ru

Благотворительный Фонд «Евразийский диалог»

123557, г. Москва, улица М. Грузинская, дом 38, строение 1, офис 92

Тел. +7 (499) 253-1458, Тел./факс: +7 (499) 253-1460

E-mail: info.evrazia@gmail.com

